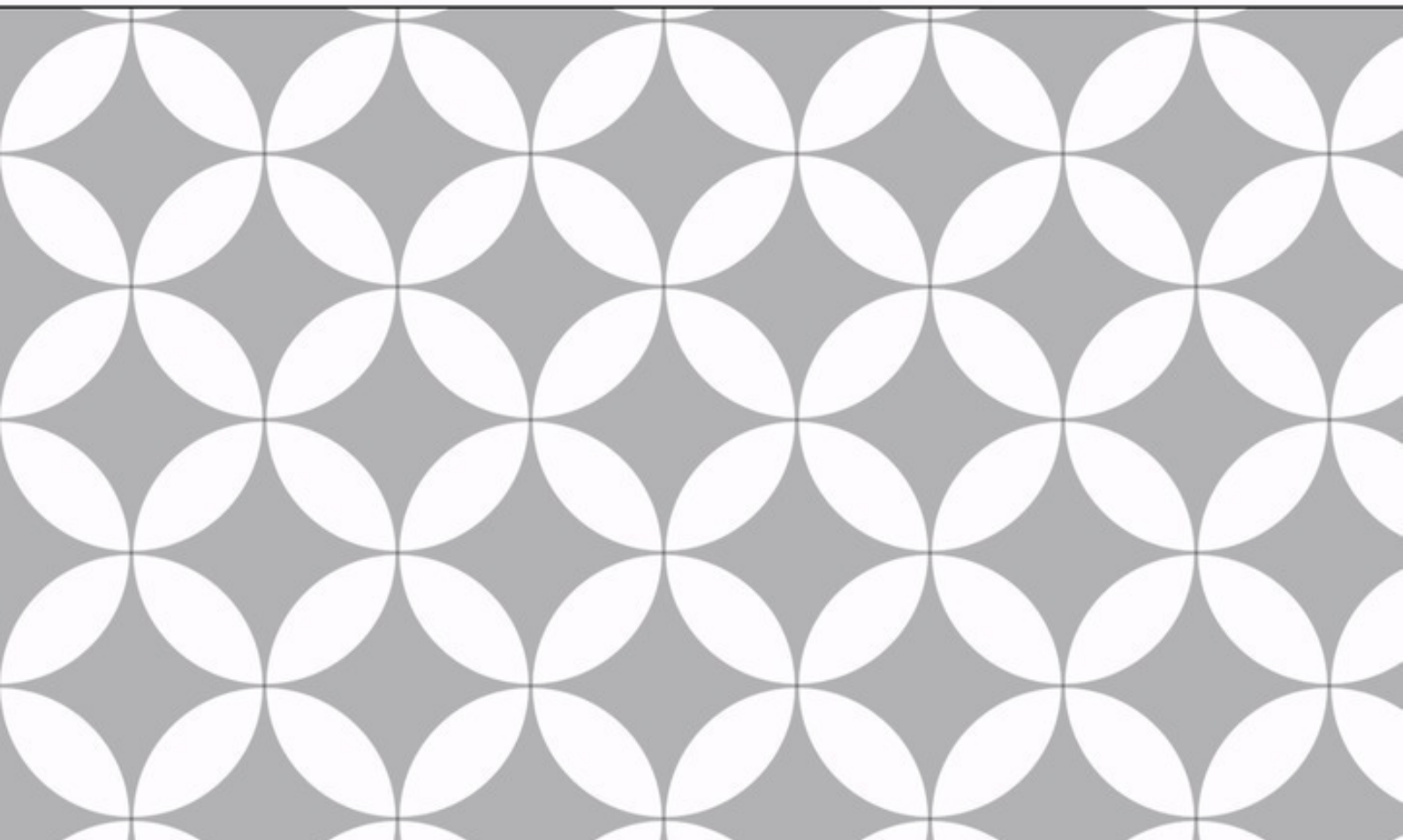

Александр Беляев

*Погоня за
двойником*

Хроники затомиса

Александр Беляев

**Погоня за двойником.
Хроники зтомиса**

«Издательские решения»

Беляев А.

Погоня за двойником. Хроники затомиса / А. Беляев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835226-3

Главный герой книги просыпается после десятилетнего летаргического сна и выясняет, что некоторых событий, о которых он помнил из своей прежней жизни, в действительности не было.

ISBN 978-5-44-835226-3

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Возвращение	6
ГЛАВА 2. Снова Трускавец	19
ГЛАВА 3. Неожиданное предложение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Погоня за двойником
Хроники зтомиса
Александр Беляев

© Александр Беляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5226-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Возвращение

Сознание возвращалось толчками. Картинки каких-то былых событий вспыхивали и угасали, а Он никак не мог остановить этот быстро сменяющийся калейдоскоп лиц, обрывков разговоров, пейзажей; все тут же гасло в темноте небытия, оставляя загадку и досаду: что это, кто Он, перед чьим сознанием вспыхивают и гаснут эти странные яркие видения. В следующий момент Он осознал свое тело, и с трудом открыл глаза. Калейдоскоп картинок и темнота небытия сменились белым больничным потолком, не очень чистым, с трещинами и желтыми разводами. Он точно знал, что этот потолок именно больничный, но откуда эта уверенность, как Он сюда попал, и даже кто Он такой, на данный момент оставалось загадкой.

И тут в его разуме впервые возникла устойчивая картинка-воспоминание: он идет рядом с девочкой лет десяти, и несет два чемодана. Чемоданы, особенно правый, весомо оттягивают обе руки, но ни в коем случае нельзя показывать, что ему тяжело, а то, не дай Бог, девочка подумает, что он слабак, и предложит свою помощь. И еще: душу переполняет чувство радости от выполненного какого-то очень важного долга, и кажется: с этого момента жизнь пойдет совсем по-иному, и впереди только радостный смех и чистое небо над головой.

Андрей – только сейчас он вспомнил, что его зовут Андрей Данилов – тихо застонал и попробовал пошевелить сначала руками, потом ногами: это ему, хоть и с большим трудом, удалось, но одновременно возникло какое-то неудобство в носоглотке. Он подвигал языком, затем сделал несколько глотательных движений, и понял, что через нос и глотку введена тоненькая гибкая трубка.

«Это еще зачем?» – Недовольно подумал Андрей. – «Я серьезно болен? По-моему такие трубки для введения жидкости через нос в пищевод ставят больным, которые не могут питаться естественным образом. В этом, конечно, нуждаются либо больные в коме, либо с операциями на гортани и пищеводе – при раке, например».

Откуда у него эти познания в принципе, Андрей не знал, на всякий случай он потрогал свое лицо и шею, но, кроме трехнедельной щетины, ничего не обнаружил – ни шрамов, ни ран, ни фистул.

«Ну, слава Богу, вроде бы операции не было», – удовлетворенно подумал Андрей, – «значит я болен какой-то другой болезнью. Или болел и выздоровел?»

Андрей прислушался к другим своим ощущениям, но вроде бы нигде ничего не болело, беспокоил только почти чистый лист памяти, он совершенно не мог вспомнить, как жил до момента пробуждения, а также держалась мучительная слабость, и каждое движение давалось с огромным трудом. Андрей осмотрел помещение, в котором находился: это был небольшой бокс, с кроватью, тумбочкой и подставкой для капельницы. Никаких других предметов, которые бы хоть как-то разьяснили в какой больнице, и в каком отделении он находится, не оказалось. А впрочем, может чего-то он и не увидел, поскольку тело двигалось с трудом, словно разучилось выполнять приказы сознания.

«Что же могло произойти?» – В тоске ломал голову Андрей. Невозможность вспомнить свою жизнь, и идентифицировать свою личность вызывали в нем почти панику. Правда он помнил свое имя и фамилию, а так же понимал, где находится, и знал назначение тех немногих предметов, которые его окружали. Держалось ощущение, что весь мир сосредоточен в этой больничной палате, а что там за окном – совершенно не понятно, поскольку уровень кровати был ниже уровня подоконника, и кроме неба и облаков («Вроде бы летние облака», – подумал Андрей), ничего нельзя было увидеть в лежачем положении. Казалось странным еще и то, что в видении, которое держалось в его сознании после пробуждения, он видел себя, несущего чемоданы рядом с какой-то девочкой лет десяти, причем ясно осознавал себя ее ровесником – десятилетним мальчиком. Что было до и после он не мог никак вспомнить, словно бы и остался

ребенком, но, судя по щетине на щеках, десятилетним мальчишкой быть он никак не мог. Чтобы еще больше в этом удостовериться, Андрей с трудом преодолевая явно несоразмерную ощущениям тяжесть, сдвинул одеяло, и скосил глаза вниз, желая себя рассмотреть. Нет, это было тело (кстати совершенно голое) взрослого человека, только сильно исхудавшее, с какой-то неприятной, сухой, словно бы пергаментной кожей. Осмотр своего тела так же не принес никаких разъяснений.

«Может я в автокатастрофу попал и у меня была травма черепа, и какое-нибудь сильное сотрясение мозга, которое мне память отшибло»? – Подумал Андрей на всякий случай еще раз ощупывая голову в поисках следов травмы. Нет, никаких повязок, гипсов и следов травмы не оказалось, и тем не менее он ясно помнил, что какие-то тяжелые, даже трагические события его жизни, связанные именно с автокатастрофами имели место, правда и факта того, что он попадал под машину, или в какое иное автомобильное происшествие он (впрочем, как и все остальное), припомнить не мог.

«Все же, наверное, какая-то катастрофа была», – пытался убедить себя Андрей, – «ведь явно что-то связанное с автомобилями припоминается. А то, что следов не видно, и ничего не болит – мало ли как это могло произойти. Переломов явно нет, но может я ехал в машине, и авария как-то так произошла, что было просто сильное сотрясение, или я обо что-то мягкое головой ударился – о ту же спинку сидения, например. Просто трянуло с такой силой, что я сознание потерял и памяти лишился. Конечно, может это и какое-то психическое или неврологическое заболевание. Правда, не припомню, при каком заболевании человек может вот так всю свою жизнь забыть, оставаясь в остальном вполне нормальным... хотя, с чего это я взял, что я нормальный»? – Тем не менее, Андрей почему-то был уверен, что он вполне нормален во всем, что не касается памяти.

Воспоминания о существовании на свете автомобилей, мягких сидений, сотрясений мозга и прочих заболеваний несколько расширили представления Андрея о действительности. Он подумал о том, что если встанет и подойдет к окну, и посмотрит, каков мир там, за окном, то это, если не полностью возвратит память, то хотя бы даст поток каких-то дополнительных ассоциаций и зацепок разума для восстановления полной картины своей личности. Он попытался лихо соскочить с кровати, но это оказалось совсем не так просто, тело слушалось с трудом, казалось (хоть он явно не был парализован), что его руки и ноги совсем разучились двигаться, и на то, чтобы сесть на кровати и свесить ноги вниз, ушло не менее получаса мучительных попыток. Затем, когда он привык к сидячему положению, прекратилось головокружение и мушки перед глазами, Андрей резко встал, как нырнул в холодную воду. Какое-то время ему удавалось держаться вертикально, уцепившись за спинку кровати (пальцы были очень слабыми и на самом деле еле держались за упор), затем все поплыло, ноги подкосились, и он грохнулся на пол, от непривычных усилий вновь потеряв сознание.

На этот раз (очевидно потеря сознания была непродолжительной) никаких картинок и снов Андрей не видел, и очнулся от боли в руке. Над ним склонилось лицо полной пожилой женщины в белом халате, которая делала укол в вену. Рядом стоял невысокий лысоватый мужчина, и держал в руке толстый потрепанный журнал.

«Моя история болезни», – догадался Андрей, – «Господи, почему же она такая толстая? Когда же они столько написать успели, я что, год здесь провалялся? Что же это за сотрясение мозга такое»?!

– Ну, вот и наш спящий принц проснулся! – С непонятым воодушевлением сказал мужчина, то ли обращаясь к Андрею, то ли к медсестре, которая уже заканчивала делать укол. – Вы меня слышите, вы понимаете, о чем я говорю?

– Слышу, – пробормотал, впрочем довольно невнятно Андрей, во рту было сухо, и язык слушался его так же плохо, как руки и ноги. – Где я? Что со мной случилось, чем я болел?

– Слава Богу, – обратился врач к медсестре, – вполне адекватен после такого срока в летаргии. Правда, в подобных случаях больные достаточно быстро восстанавливаются, но некоторые какое-то время говорить не могут. По крайней мере, так описано в литературе, естественно, подобный случай мало кому из врачей наблюдать посчастливилось. А вообще-то, механизм и природа летаргического сна мало изучены, не известно, ни от чего больной засыпает, ни отчего просыпается, нам остается только констатировать факт. Ну, молодой человек! – (тут он явно обращался к Андрею). – Сегодня – великий день и у вас и у нашего отделения! С добрым вас утром, а вернее, с новым рождением! Знаете, сколько времени вы почивать изволили?

– Сколько? – Уже более отчетливо проговорил Андрей, чувствуя, что внутри его все холодеет. – Неделю? Месяц?...

– Может, не надо ему сразу говорить, Анатолий Яковлевич? – Тревожно зашептала медсестра. – Может это для него шоком будет, и он снова это... заснет?

– Ничего, ничего, – весело ответил врач, – легкий психологический шок ему сейчас даже полезен, это его сознание слегка растормозит. А насчет «заснет» – не беспокойтесь, в литературе описано, что они после летаргии еще долго обычным сном заснуть не могут. Так что бессонница на ближайшие дни и месяцы ему обеспечена. Вы, молодой человек, – сказал врач, внимательно глядя в глаза Андрея, – проспали десять лет с лишнем.

– Лет?!

– Да-да, именно лет, я не оговорился, – добавил Анатолий Яковлевич, потирая руки (историю болезни он положил на тумбочку Андрея), – читаем, – он снова взял историю Андрея и открыл первую страницу. – Вас привезли в первое неврологическое отделение больницы имени Боткина 20 февраля 1975 года. Сейчас вы находитесь в реанимационном боксе той же больницы, и на дворе 21 июля 1985 года. Так что вы, молодой человек, можно сказать, местная достопримечательность, ископаемое, мастодонт, музейный экспонат, так сказать! На вас посмотреть каждый день студентов водят. Такая продолжительная летаргия, можно сказать, анабиоз – редчайший случай. Сердце раз в полминуты бьется, дыхание и того реже – прямо таки, кадавр – труп, в переводе с латыни, только не разлагается и в питании нуждается. Ну, естественно, сами вы кушать не могли, приходилось вам через трубочку и через капельницу питательные жидкие смеси вводить.

Андрей потрогал трубочку, торчащую из носа.

– Так вот, значит, зачем трубка, – сказал он уже более уверенно и отчетливо. – А впрочем я и сам догадывался, зачем она вставлена, я, похоже, когда-то медицину изучал....

– До того, как вы заснули, вы были студентом Первого медицинского института, наш коллега, так сказать. К сожалению, ваш академический отпуск несколько затянулся, так что не исключено, что с вашим восстановлением в институте могут быть проблемы, не знаю, какие там сейчас порядки.

– Так, сколько же мне лет? – Упавшим голосом спросил Андрей. Я, когда очнулся, мальчиком десятилетним себя ощущал, а потом понял, что нет, вроде, не мальчик....

– Да, какой мальчик, тридцать лет вам, – сказал врач, глянув в историю болезни. – Так сказать, мужчина в самом расцвете сил, как Карлсон, который живет на крыше. Припоминаете такого героя? – Доктор снова внимательно глянул в глаза Андрею, словно пытался оценить, достаточно ли тот включился в привычные имена и образы.

– Прекрасно помню, – ответил Андрей, в памяти которого тут же всплыли детали истории о Карлсоне, описанной в бессмертном произведении Астрид Линдгрэн. – Все, что вы мне говорите, я прекрасно понимаю и, похоже, достаточно хорошо могу ориентироваться во внешнем мире. У меня – другая проблема, помимо общей слабости, естественно. Я совершенно забыл события моей жизни. Я даже своего лица не помню, и отца с матерью.

– Ну, такое вполне может быть, – развел врач руками, – думаю, вскоре вы все вспомните, когда мать свою увидите, домой вернетесь, встретите своих родных, близких. Вы же не проснулись полным идиотом, и быстро восстанавливаете ассоциативные связи, когда слышите знакомые слова и понятия. Ваше сознание столько лет находилось в пассивном состоянии, что такая утрата памяти вполне естественна. Очевидно, все события, находившиеся на уровне коры до приключившегося с вами несчастья, опустились глубоко в подкорку, и их нужно снова на поверхность сознания вытаскивать. Как только возникнут знакомые ассоциации, вы все вспомните. Ведь часто так бывает, что мы забываем какие-то события в нашей жизни, но как только появляются ассоциации, связанные с этим событием, все вспоминается. Так что не беспокойтесь, не перегружайте мозг, все вернется в свое время. Вот только вставать вам пока рановато, ваша мышечная система атрофировалась за эти годы, так что ходить придется учиться заново, и разумеется, в сопровождении медперсонала. Но не переживайте, думаю, что все быстро восстановится, и тогда, через пару недель, мы выпишемся, вы и так тут слишком долго занимали больничную койку. А пока отдыхайте, скоро сюда зайдет психолог и немного с вами побеседует, мы же позвоним вашей маме, сообщим ей радостную весть. Если все будет нормально, скоро переведем вас в общую палату в неврологическое отделение. – Доктор ободряюще потрепал Андрея по плечу, и они с медсестрой оставили Андрея в одиночестве.

Через час пришел врач реаниматолог (Анатолий Яковлевич, как выяснил Андрей, был заведующим реанимационного отделения), осмотрел Андрея и вынул из носа зонд для питания. Затем медсестра принесла завтрак – жидкую овсянку и стакан слабенького чая, и Андрей – правда вначале не без труда – самостоятельно поел впервые за десять лет. Позже, в течение дня приходили разные врачи, посмотреть на местный экспонат, задавали Андрею всякие вопросы, щупали пульс, делали кардиограмму и энцефалограмму, сообщили, что работа сердца и биологическая активность мозга в пределах нормы, правда несколько преобладают Тэта-волны, но ничего удивительного, после стольких лет летаргического сна.

В довершение медсестра его побрила, и Андрей попросил принести зеркало, чтобы вспомнить свою внешность. В первый момент на него глянул незнакомый молодой человек с красивым, но сильно исхудавшим лицом и желтоватой пергаментной кожей, но вскоре он стал припоминать детали своей внешности, и был приятно удивлен, что не особенно постарел за эти десять лет. И еще он вдруг вспомнил, как стоит напротив зеркала и дотрагивается пальцем до его поверхности, а затем, по мере отведения руки, из зеркала появляется его двойник, и начинает вести самостоятельное существование. При этом, хотя картинка выглядела достаточно неправдоподобной, держалась полная уверенность, что все это он наблюдал воочию, и подобное невозможное явление его тогда ничуть не удивляло.

«Нет», – подумал Андрей, – «все же, наверное, крыша слегка съехала. Где это видано, чтобы отражение из зеркала выходило? Не могло такого быть»!

В этот момент дверь палаты распахнулась, и в бокс вбежала незнакомая, пожилая женщина с заплаканным лицом. Она бросилась к Андрею, сжала его лицо ладонями и начала целовать в веки, щеки, лоб. Затем сильно прижала его голову к груди, и как-то по-стариковски запричитала:

– Господи, Андрюшенька, сынок, очнулся! Уж не верила, что снова глаза твои ясные увижу! Каждый день в больницу к тебе еду и думаю: «Сейчас скажут, что сердце остановилось, и тебя в морг отвезли». Я и к телефону-то со страхом – особенно первое время – подходила, думала, сейчас скажут, что ты умер.... И так десять лет! Я за это время совсем извелась, составила раньше срока.... Ну, скажи, скажи что-нибудь! – Добавила она, видя, что Андрей ее явно не узнает.

– Здравствуй, мама, – смущенно пробормотал Андрей. Он вглядывался в это заплаканное лицо, с темными мешками под глазами, и ему вспоминалось другое, гораздо моложе и привлекательнее, с редкими морщинами и другой прической, и в его памяти воскресал образ той,

которую он звал своей мамой, которую всегда очень любил, но стеснялся своих чувств, с которой был сдержан, а в последние несколько лет весьма холоден. Одна за другой, словно свечи от руки лакея в гостиной прошлого века, в его памяти всплывали бесчисленные сценки из его детства, отрочества и юности, в которых фигурировала эта, в его воспоминаниях молодая, а теперь сильно состарившаяся и подурневшая женщина.

Вот мама, облаченная в одежды Деда Мороза (тогда им не узнанная) вытаскивает из красного мешка с блестящими, вырезанными из фольги звездами огромного плюшевого мишку (впоследствии этот мишка становится его любимой игрушкой), и говорит смешным басом: «Слышал я в нашем лесу, что этот мальчик, совсем уже большой, а до сих пор молоко из бутылочки пьет. стыдно, Андрюша, все дети в твоём возрасте уже давно молоко из кружечки пьют, а ты – все, как маленький! Обещай мне, что завтра же вы с мамой эту бутылочку за забор забросите, и ты начнешь молоко вот из этой кружечки пить». И с этими словами ряженая мама достает фаянсовую кружку с разноцветными цветочками. А Андрей стоит посреди комнаты, силится не зареветь, и думает, какой это мерзкий старикашка, и откуда он знает тот постыдный факт из его биографии, что ему уже пять лет, а он до сих пор пьет молоко только из специальной градуированной бутылочки с выдавленными цифрами.

А вот они с мамой сидят, обнявшись на мягкой софе, и мама рассказывает ему импровизированную историю немецкого ефрейтора Пука на советско-германском фронте. В памяти Андрея всплывает ее озорной голос, напевающий от имени этого многострадального ефрейтора, который постоянно мается животом, накладывает в штаны по любому поводу, и вообще – редкий трус и идиот, разухабистую песню про таинственного Мальбрука, который собрался в поход, но так же, как ефрейтор, занедужил животом, и в конце концов помер от поноса. Заканчивается же эта песня тем, что Его жена Елена

Сидела на горшке

И жалобно свистела

С бумажкой в руке.

Потом Андрей узнал, что в настоящих словах этой старинной песни, времен войны с Наполеоном, фигурирует вовсе не «свистела», а нечто более соответствующее описанному процессу, но, как видно, мама не хотела воспроизводить при сыне столь неприличные подробности.

А вот более поздняя сцена из его жизни. Андрей сидит за праздничным столом рядом с симпатичной пухленькой девушкой в белоснежном свадебном платье («это – моя жена, Леночка», вспыхнуло в памяти Андрея) в окружении гостей, а мама стоит с бокалом шампанского в руке и произносит тост за здоровье молодых: ее сына и новоиспеченной дочери. Тост естественно заканчивается синхронным ревом гостей «горько», а Андрей, которому уже смертельно надоел этот обязательный свадебный ритуал, неохотно целуется с Леночкой, которая, в отличие от него, явно довольна происходящими событиями. А затем, словно перебивка кадра, уже совершенно противоположная сцена. Андрей стоит у гроба, в горле у него ком с трудом сдерживаемых слез, а в гробу лежит Леночка все в том же свадебном платье невесты, и словно бы смотрит на него с укором сквозь закрытые веки. А в голове Андрея кружится, словно на испорченной пластинке только одна фраза: «Прощай, мое Солнышко, я тебя никогда не забуду».

Эти сцены запустили череду других, и Андрей понял, что память его начала по кусочкам восстанавливаться. Одна сцена, словно за ниточку вытягивала из небытия другую, а та – следующую.

– Что с тобой, сынок? – Раздался испуганный голос мамы, и Андрей почувствовал, что его трясут за плечо. – Тебе плохо?

Андрей стряхнул поток воспоминаний и включился в поток действительности.

– Не пугайся, мама, – сказал он бодрым голосом, – я сейчас за несколько секунд словно бы значительный кусок жизни снова прожил. Я ведь с момента пробуждения и до твоего прихода, совершенно не помнил свою жизнь до того, как летаргическим сном уснул. Помнил только, что меня Андрей Данилов зовут – но при этом идиотом себя не ощущал, понимал, что вокруг происходит, и даже некоторые медицинские познания обнаружил. Мне потом Анатолий Яковлевич подтвердил, что я в медицинском институте учился. А как только тебя увидел, вдруг все стал вспоминать. Ты даже себе не представляешь, как это страшно, не помнить, кто ты такой, как жил и кем был. Кстати, тебя я тоже совсем не помнил, и вдруг появляешься ты, я тебя вспоминаю – правда, гораздо моложе – и вся моя жизнь по кусочкам начинает в сознании восстанавливаться! Наверное, в этот момент я вел себя несколько неадекватно....

– Да нет, просто застыл и глаза остекленели. Я испугалась, что ты снова в летаргию впадаешь.... Моложе, говоришь, была? – Мама, очевидно, была задета, как любая женщина, которой напоминают о возрасте. – Так ведь десять лет прошло, мне сейчас пятьдесят четыре, а слез я столько за это время выплакала, что выгляжу, наверное, совсем старухой....

– Да, что ты, мамочка, – начал успокаивать ее Андрей, – совсем не старуха, просто я тебя немного другой помню: и покрасилась ты, и прическу другую носила, и платья этого не было.... Я к тебе теперь уже почти привык, на самом деле ты не особенно изменилась.

– Где уж там, «не особенно», – горько сказала мама, – горе и годы не красят.... Ладно, что мы все обо мне, как ты..., хотя, что я глупости спрашиваю, хотела сказать «поживаешь». Это же все мы за эти десять лет большую жизнь прожили, а для тебя все равно, что мгновение прошло, тебе же, по сути дела, как было двадцать, так и осталось, ты и внешне-то не особенно изменился, только исхудал сильно.

– Ты знаешь, – Андрей как-то странно посмотрел на мать, – у меня такое чувство, что это не совсем так, такое ощущение, что я все эти годы жил, только не здесь, а в каком-то другом мире, правда не могу его пока припомнить. По крайней мере – это не то, что заснул и тут же проснулся....

– Как это «жил в другом мире»?! – Мама снова глянула на Андрея с тревогой. – Ты же спал! И потом, что это за «другой мир такой»? Наверное, сны видел, а сейчас в твоей голове все немного перепуталось. Надо будет у доктора спросить, видят ли люди в летаргическом сне сновидения.... Вообще-то я, например, всегда помню, какие события происходили во сне, какие наяву.

Андрей смутился.

«Не хватало, чтобы она меня за ненормального приняла, надо следить за тем, что говорю!» – Андрей припомнил, что раньше, в прежней жизни происходили какие-то необычные события (астральные путешествия пока не всплывали в его памяти), и он никогда не делился этим с мамой, чтобы не встревожить ее материалистически воспитанный разум. Тем не менее он отчетливо чувствовал, почти был уверен, что эти десять лет не спал, не видел сны, но жил полноценной жизнью, хотя было совершенно не понятно, как такое может быть, к тому же никаких конкретных событий он пока припомнить не мог.

– Да, это, наверное, сны были, – Решил Андрей успокоить маму, – наверное, когда десять лет спишь, то во снах фантастическую жизнь проживаешь, а, поскольку это происходит очень долго, то кажется, что реальную жизнь прожил. Правда, что мне снилось, я вспомнить пока не могу, но что тут удивляться, я свою реальную жизнь вспоминать начал только когда тебя увидел.... Кстати, знаешь, какая сцена была в моем сознании, как только я проснулся? Помнишь, мы с тобой, когда я мальчишкой был, в Трускавец ездили? Так вот, стоит перед глазами картина, как живая, что к калитке подъезжает такси, и я бегу помогать маме с дочкой, которые из этого такси выходят, и потом ташу через сад тяжеленные чемоданы, и мы с этой девочкой болтаем, как старые знакомые.... Казалось бы, совершенно пустяковая сцена, а как запомни-

лась! Всю остальную свою жизнь забыл, а такой пустяк, да еще из раннего детства в памяти остался.

– Ты что-то путаешь, – сказала мама, пожав плечами. – Я хорошо помню нашу поездку в Трускавец, и маму с дочкой, которые в соседнем доме поселились. Очень симпатичная девочка, и я тебя все время подзуживала, чтобы ты с ней познакомился – одному-то скучно. Но ты тогда таким букой был, и утверждал, что с девочками никогда дружить не станешь. Правда, она тебе явно понравилась, я видела, что ты все время за ней следишь, и однажды у тебя даже какая-то странная фантазия возникла, когда мы церковь посмотреть ходили, будто ты ее там около икон встретил, и с ней разговаривал. Но я все это время тебя из внимания не выпускала, и точно знаю, что никакой девочки рядом не было. Все же с тобой, наверное, тогда галлюцинации приключились, а не фантазии, иначе, зачем было такую безделицу выдумывать, и так искренне удивляться, что я этого не видела. Наверное что-то с тобой уже тогда было не так, ведь и летаргический сон на пустом месте не мог возникнуть. Правда я с врачами говорила – никто ничего толком об этом заболевании не знает.

– Не подносил чемоданы, говоришь, – с сомнением покачал головой Андрей. – Странно, а мне казалось, так оно и было в действительности. . . . Ну, Бог с ним, – решил пока оставить он эту тему, – ты мне скажи – правда я уже многое припоминаю – насчет моей жены. Отчего она умерла, она же совсем девочкой была? Этот момент у меня как-то пока не всплывает.

– Под машину она попала, – пряча глаза, сказала мама. – Может, не надо об этой трагедии, ты еще так слаб!

– Ну, почему, – запротестовал Андрей, – мне, как раз, спокойней будет, когда все в голове уляжется. А трагедии – куда ж от них деваться, так или иначе все это в голове восстанавливать придется.

– Размолвка у вас серьезная была, – сказала мама грустно. – У тебя женщина появилась, старше на десять лет, и ты решил к ней уйти. Правда, говорил мне, что и у Леночки кто-то был, но я в это не особенно верила, уж больно она тебя любила, и страдала, когда ты от нее отдаляться начал. . . . В общем, после бурного объяснения, когда ты из дома ушел, она поехала к своей матери и. . .

– Ладно, не надо, мама, я все вспомнил, – остановил ее Андрей. – Была у меня женщина, Лиана, и я ее сильно любил. . . . Не понимаю только, почему я так убивался, когда Лена погибла – это я хорошо сейчас помню – ведь ее-то я как раз не любил, тем не менее, очень сильно переживал, и даже хотел с Лианой разорвать, правда так и не разорвал, кажется.

– Как же не переживать, – тихо сказала мама, – даже о кошке переживают, а тут человек. . . . У вас в школе такой бурный роман с ней был! Помнишь, как я вас первый раз в постели застучала? Разозлилась тогда страшно, а вы-то как перепугались, особенно она! Такими смешными выглядели! Я на вас смотрю, знаю, что мне надо быть строгой, а меня смех разбирает. – Мама украдкой смахнула слезу. – Не понимаю, чего тебя потом на эту Лиану потянуло, тридцатилетнюю. . . .

– Кстати, – спросил Андрей, пряча глаза, – ты с ней случайно не познакомилась? Не знаешь, как она, где она?

– Не знаю, – ответила мама раздраженно, – и знать не хочу! Появлялась она здесь пару раз, когда это несчастье с тобой приключилось – рыдала, руки заламывал, причитала, что это она во всем виновата – такая актриса! А потом пропала, и даже телефон дать не удосужилась. Ты из-за нее совсем голову потерял – может и действительно все из-за этого произошло, ты ведь такой был впечатлительный! Да только недостойна она была твоей любви, она тебя предала, как несчастье случилось – сразу в кусты! Знаю я таких дамочек, любительниц молоденьких – самая настоящая хищница!

– Ладно, не будем о ней, – сказал Андрей. Детали его романа с Лианой одна за другой всплывали в его памяти, и говорить об этом с мамой ему не хотелось.

– Кстати, – сказала мама, – зачем ты в этот Переславль потащился? Зимой, тем более.

– В какой Переславль? – Удивился Андрей. – Он уже хорошо помнил, как за три месяца до печальных событий ездил в Переславль, чтобы пообщаться с Синь камнем, но точно знал, что маме об этом не сообщал, да и вообще, об этом не знала ни одна живая душа.

– Как в какой? Ты что, не помнишь? Тебя там и нашли. На берегу Плещеева озера, рядом с большим валуном лежал. Уж, как насмерть не замерз, не ясно. Сколько ты на снегу пролежал, пока тебя обнаружили – одному Богу известно....

– Ты ничего не путаешь? – Испуганно спросил Андрей. – Меня же должны были на лавочке во дворе на Сретенке найти! Именно там я отключился, да и было это в середине мая.... – Андрей закусил язык: рассказывать маме при каких обстоятельствах он оказался на Сретенке вряд ли можно было назвать удачной мыслью.

Мама посмотрела на Андрея с сочувствием.

– Ну, что ты, сынок, не волнуйся, наверное у тебя еще не вся последовательность событий восстановилась, и что-то перепуталось. В Переславле тебя нашли, вернее недалеко от города, зимой....

– Ладно, – вынужден был свернуть разговор Андрей, – наверное действительно несколько перепуталось. Я ведь оклемался-то всего как часа три назад.

Вскоре пришла медсестра и попросила маму закончить свидание с сыном, поскольку он еще очень слаб и слишком продолжительная беседа может ему повредить. Тем не менее, когда мама ушла, она занялась с Андреем ходьбой, и в конце занятий он, хоть и безумно устал, но довольно сносно передвигался по палате.

– Прекрасно, – сказал Анатолий Яковлевич, который еще раз навестил Андрея в конце рабочего дня, – думаю, через пару дней можно будет переводиться в общую палату. Пообщаться с другими больными вам будет очень полезно – так вы быстрее восстановитесь, к тому же войдете в курс событий, что на белом свете произошло за эти десять лет. Между прочим, в нашей стране тоже немало всякого случилось, и похоже мы стоим на пороге больших перемен, хоть после стольких лет застоя в это трудно поверить. – Затем доктор ушел, распорядившись, чтобы дежурная медсестра сделала Андрею на ночь укол снотворного, поскольку самостоятельно в ближайшее время спать он наверняка не сможет, а организм все равно нуждается в отдыхе. Вскоре ушла и медсестра, а Андрей остался наедине с обрушившимся на него потоком воспоминаний, и с несколькими загадками, которые в картину этих воспоминаний явно не вписывались.

Последующие дни в больнице были для Андрея днями переоткрытия мира. Через пару дней, убедившись, что он быстро идет на поправку, Анатолий Яковлевич перевел его в кризисное отделение на долечивание. Кризисное отделение было элитным в больнице, с палатами не более, чем на 2—3 человека, хорошим питанием и спокойной общей атмосферой. На самом деле под этим ничего не значащим названием скрывался психоневрологический профиль стационара, там лежали больные с явными психическими отклонениями, правда тяжелой психиатрической патологии, наподобие шизофрении и МДП там не было. Потому-то Андрей не встретил там ни Наполеонов, ни Достоевских ни Гагариных. Отделение скорее напоминало клинику неврозов в миниатюре, лежали там в основном невротики с различными депрессивными синдромами, а так же привилегированные алкоголики и наркоманы, прошедшие в других специализированных больницах курс интенсивной терапии, и поступившие сюда на долечивание. Так что контингент отделения в основном страдал неглубокими психоневрологическими отклонениями, и нуждался, по большей части, в психологическом и физическом покое. Атмосфера в силу этой специфики поддерживалась здесь максимально спокойная, комфортная, и никакого особого лечения, помимо физкультуры, гипноза, электросна, бесед с психологом, а так же легких транквилизаторов и снотворных, там не проводилось.

Соседи по палате достались Андрею вполне интеллигентные: непризнанный художник авангардист Коля, и редактор поэтического сборника «День поэзии» Дмитрий Палыч – оба алкоголика, прошедшие курс детоксикации в наркологическом диспансере, и поступившие сюда на курс реабилитации. Андрей быстро возвращался к своему прежнему, долетаргическому состоянию: набирал прежний вес, кожа обретала нормальный цвет и тургор, и один за другим восстанавливались его провалы в памяти; оставались только некоторые нестыковки событий, которые его по-прежнему беспокоили. Так в его сознании твердо держалась уверенность, что в летаргию он впал в конце мая 75 года, после злосчастной попытки убить Туранцеву, получившую лабораторию вместо Лианы. События эти он очень хорошо помнил, а из истории болезни и рассказов мамы следовало, что его нашли на берегу Плещеева озера в конце февраля – и куда делись эти три месяца его полноценной жизни, было также совершенно не ясно. Так же существовал провал его жизни в Трускавце: из него он помнил только тот момент, который яркой картинкой стоял у него перед глазами после возвращения в сознание, и как выяснилось из беседы с мамой, этого события в действительности вообще не было. И еще одному своему чувству он не мог найти объяснения: это странная уверенность, что в течение 10 лет его летаргического сна, он жил в каком-то другом мире, но припомнить что-нибудь конкретное из этой жизни ему никак не удавалось.

Соседи Андрея по палате быстро ввели его в курс политических событий минувшего десятилетия: о последних годах застоя, Афганской войне, смерти Брежнева, «пяtilетке пышных похорон», о том, как товарищ Черненко выполнял обязанности генерального секретаря КПСС не приходя в сознание. О перестройке, гласности и о том, что прекращены гонения на церковь и прочие религии и секты. Последнее особенно удивило и обрадовало Андрея, поскольку непосредственно касалось его главного увлечения в жизни, хотя каких-то особых гонений, помимо разгона группы Балашова он на себе не испытывал и в годы застоя.

Художник авангардист Коля, примерно одного с Андреем возраста (правда тот по-прежнему никак не мог отделаться от привычного самоощущения себя в ранге двадцатилетнего), был типичным представителем богемы: с бородой и длинными засаленными волосами. Коля повсюду демонстрировал свое воинствующее православие, и тот факт, что теперь можно спокойно ходить в церковь, не опасаясь каких-то гонений, и открыто говорить о своих убеждениях, и свободно писать картины религиозного содержания, его, в какой-то степени, даже деморализовал. Он привык считать себя чуть ли не мучеником за веру и искусство, и приписывал факт своего непризнания исключительно проискам советской власти. Теперь же, когда диссидентство расцвело пышным цветом, он был несколько растерян, и утверждал, что все эти игры в демократию и гласность быстро закончатся, и все вернется в свое прежнее ненавистное советское русло, которое, как Андрею показалось, было ему гораздо милее, нынешнего «вольного ветра перемен».

Сорокалетний Дмитрий Палыч напротив, представлял из себя типичного советского конформиста, не верящего ни в Бога, ни в коммунизм, который, тем не менее, как понял Андрей, на своем посту редактора поэтического журнала добросовестно проводил линию партии в советскую поэзию, борясь в том числе и с религиозным мракобесием. Теперь же, когда была получена соответствующая директива, он собирался открыть в своем журнале раздел «Современные поэты-мистики». Андрей, заинтересовавшийся этим фактом, рассказал Дмитрию Палычу о своем тайном увлечении мистической поэзией, и прочитал несколько соответствующих своих стихотворений. По его реакции, Андрей понял, что в стихи редактор особенно не врубился, но тем не менее сказал, что тот неплохо владеет версификациями, стихи густо замешаны, и что хотя раньше об их публикации не могло быть и речи, то теперь, напротив, такие ребята ему нужны для нового раздела, и когда они выпишутся, он с удовольствием примет Андрея у себя в редакции, и наверняка что-то отберет для публикации. В подтверждение серьезности своих намерений он дал Андрею домашний телефон.

Итак, быстро пролетели 2 недели в кризисном отделении, Андрей чувствовал себя вполне здоровым, и после тщательных анализов и обследований, был выписан и отпущен в полную неизвестность: как жить дальше, где работать или учиться, без друзей и подруги, которые теперь неизвестно где, и возможно даже и не помнили о нем. Со странным чувством нереальности он шел в сопровождении радостной мамы по незнакомой улице к станции метро «Беговая», с тем же чувством ехал в метро – с тем же чувством переступил порог своей квартиры. Сейчас, когда он вышел из больницы, его охватило странное чувство, словно вся его жизнь до летаргии была зыбким нереальным сном, а, напротив, реальная жизнь и события происходили в эти десять лет, когда он лежал в реанимационном отделении с частотой дыхания и пульса не чаще одного раза в минуту, но эту жизнь он совершенно забыл – и теперь, по прошествии десяти лет, вновь возвратился в сон, именуемый «прежняя жизнь».

Мама накормила его праздничным обедом, который заранее приготовила в его квартире, затем с неохотой ушла домой, поскольку Андрей заявил, что в уходе не нуждается и хочет сегодня побыть один, чтобы заново привыкнуть к своей старой квартире и вещам, а также обдумать дальнейшую жизнь. Весь вечер он бродил по квартире, открывал и закрывал любимые книги, включал и выключал телевизор, не зная, на чем остановиться и чем заняться, словно совершенно отвык от какой-то целенаправленной деятельности. Пока же он купался в воспоминаниях и живых ощущениях, связанных с теми или иными событиями и людьми в его прошлой, теперь уже такой далекой жизни. Вот кровать, на которой он спал последние 2 года с Леночкой, а затем с Лианой, и неудачно пытался освоить Тантра йогу, вот стол, за которым он написал столько стихов и поэму, вот заветные тетради – плод его тайных мыслей и вдохновения.

Андрей сдержал страстное желание углубиться в перечитывание своих старых стихов, и сразу же заглянул в конец тетради, надеясь найти какие-то записи, оставленные им в период с февраля по май 75 года, поскольку точно помнил, что закончил поэму, незадолго перед поездкой к Синь камню, а после этого написал 3 стихотворения, и даже неплохо их помнил, особенно одно, которое он написал в дни кризиса своих отношений с Лианой. Эти стихи он знал наизусть от начала до конца:

Только выюг твоих приютство,
Наших душ несходство,
Цепи тяжкие банкротства
Заново куются.

На крыле любви носила,
Нежила полгода,
А сегодня перекрыла
Вентиль кислорода.

Я молю, метая взоры
(Рот закрыла маска,
сзади – дверь, на окнах шторы,
лампочка погасла),

«Душно мне, открой же краны,
Или, если поздно,
Дай дурманящей отравы,
Оглуши наркозом!»

Не ответишь, не услышишь,
Не вернешь дыханье,
Ждешь чего-то, словно свыше
Ловишь указанье.

Может, просто скинуть маску?
Не поднять руки мне,
Жду печальную развязку
В тягостном унынье.

Андрей не относил это стихотворение к своим шедеврам, но оно, как никакое другое, соответствовало его настроению того времени, и поэтому он хорошо его запомнил. Он открыл последние страницы своего блокнота. Увы, последняя его запись датировалась февралем, это была поэма Иола, и следующий лист оказался пуст.

«Может, – подумал Андрей, – я в черновике запись сделал и в чистовик забыл перенести?» – (Хотя точно знал, что всегда переписывал стихотворение сразу после того, как заканчивал работу в черновике). Но все черновики оказались целы, и этих трех стихотворений он там не обнаружил. Он порылся в других своих записях – увы, никаких свидетельств его активного существования в этот злосчастный период! Не было и Сомы в серванте, вернее стоял тот памятный пустой графин но тут удивляться было нечему, ведь прошло десять лет, и с вином в графине могло произойти все, что угодно. Правда высохнуть оно вряд ли могло, но в конце концов мама регулярно приходила в его квартиру, и наверняка постоянно здесь прибиралась. Могла она и вылить вино, и выпить, хотя выпить – это вряд ли, она почти не пила, тем более в одиночестве.

«Интересно», – подумал Андрей, – «Если бы она его выпила, что бы с ней произошло? Тоже в суперменшу превратилась? Или такое только с подготовленными, вроде меня, могло произойти? Нет, если бы такое произошло, она конечно все мне рассказала, ведь я с ней после летаргии уже о многом переговорил – о таких вещах не забывают. Значит, вылила, или... здесь ее никогда и не было, стихов ведь нет, а я точно знаю, что должны быть! Значит остается два варианта: либо у меня после летаргии крыша не окончательно на место встала, и я какие-то свои фантазии за реальные события принимаю, либо произошло чудо, и после того, как я провел ревизию в астрале по совету Варфоломея, из реальности исчез трехмесячный кусок моей жизни. Поразительно! Не возможно в это поверить! Одно дело о чем-то подобном в фантастических книжках читать, другое дело самому в таком положении оказаться!»

На всякий случай он полистал свои стихи назад – вдруг, у него что-то перепуталось в голове, и он их написал раньше – но ничего подобного не обнаружилось, были только восторженные стихи «К Бхагавати», которые он написал в бурном начале своего романа с Лианой. И все же, несмотря на факты, вроде бы свидетельствующие о том, что его земная активная жизнь оказалась прервана именно в феврале, он не мог смириться с тем, что его живые воспоминания – плод больного воображения. Андрей подумал, что все же придется позвонить Лиане, хотя никаких чувств теперь к ней не питал, и твердо решил не возобновлять отношений с этой коварной женщиной. Хотя получается, если не было этого трехмесячного периода, значит и не было всего того, что выявило это коварство – а следовательно, и коварства, как такового, не было.... Хотя, если он сам стер, испарил, дематериализовал этот кусок своей жизни в реальности – в памяти то он остался! Значит остался он и в информационном поле, а значит и коварство осталось....

Андрей совсем запутался в этих временных и психологических парадоксах, и все же решил позвонить Лиане, дав себе твердую установку не возобновлять отношений.

«Ведь ей, – убеждал себя Андрей, – уже больше сорока, она наверняка состарилась и подурнела».

Но Лиана оставалась единственным активным соучастником его жизни в течение трех проблематичных месяцев перед летаргией, и именно она спровоцировала его действия в отношении Туранцевой. Конечно, наверняка в это время он общался и с мамой, но она это отрицает, а может, забыла – да и он точно не помнит, в чем заключалось их общение.

Андрей долго сидел у телефона, не решаясь набрать заветный номер, затем собрался с духом и позвонил. После нескольких гудков в трубке раздался незнакомый мужской голос.

– Можно к телефону Лиану Кремлеву? – Сказал Андрей хриловатым от волнения голосом.

– Здесь такая не живет, – ответил мужчина, – вы ошиблись номером.

– Это телефон... – (Андрей продиктовал по цифрам номер из записной книжки).

– Все правильно, но здесь такая не живет, вы когда по этому номеру последний раз звонили?

– Н... несколько лет назад. – Запнулся Андрей.

– Возможно это прежняя хозяйка, но она давно отсюда съехала.

– А вы ее новый телефон случайно не знаете?

– Случайно не знаю, – раздраженно ответил голос, и на этом разговор закончился.

Итак, выяснить истину не удалось, и Андрей испытал даже облегчение, он хотел и боялся услышать голос Лианы.

«Ладно», – подумал Андрей, – «к прошлому все равно дороги нет, будем жить настоящим, а если Богу угодно, как-нибудь эта загадка со временем прояснится, а значит не стоит и голову ломать. Наверное, мне все это приснилось, или все же было психическое заболевание перед тем, как я в летаргию впал. По-моему что-то подобное происходит при шизофрении, когда человек не существовавшие события вспоминает, как прошлую реальность. Неужели я все-таки шиз? Но стихи... разве я мог их во сне или в бреду написать? А, собственно, почему нет? Многие говорят, что во сне стихи пишут, а потом вспомнить не могут. А я вот, вспомнил».

Андрей снова начал листать свои поэтические тетради, погружаясь в атмосферу сладких воспоминаний, и вскоре добрался до стихотворения «Я и ты», о котором совсем забыл. В его памяти ярко вспыхнул образ Единственной, их встреча у моря Вечности в далеком детстве, появление этого образа в трудные минуты жизни. Вот только его трускавецкий период никак не хотел вспоминаться, помнилось только, как он несет чемоданы, а так же, как во время летаргии он выполнял задание в астрале, и освободил духовную половинку Ани Ромашовой из зоны горячих магм.

Было уже совсем поздно, и Андрей лег спать. Он долго ворочался в постели, и вскоре понял, что предупреждение Анатолия Яковлевича о том, что бессонница ему на ближайшее время обеспечена, сбывается. Правда в больнице эта проблема не возникала, но там ему перед сном вкалывали приличную дозу родедорма.

«Вот идиот! – ругал себя Андрей, – ведь предупреждали же меня! Не мог по пути какого-нибудь снотворного купить»!

Он встал и полез в аптечку в поисках какого-нибудь снотворного или успокаивающего, но, по-видимому, мама либо все лекарства выбросила, либо забрала – аптечка оказалась пустой.

Все ближайшие аптеки давно были закрыты, Андрей знал, что дежурная находится где-то в центре, но не помнил адреса, а звонить маме в два часа ночи он считал верхом эгоизма.

«Ну, что ж, – подумал Андрей (сна – ни в одном глазу), – начнем розовых слонов считать, авось к утру засну. Слава Богу в институт завтра не идти. Кстати, в ближайшее время надо сходить туда, выяснить по поводу восстановления. Надо же с чего-то начинать, а то совершенно

не ясно, что делать, чем заниматься, даже знакомых никого не осталось. Хотя сейчас все равно каникулы... Но ведь администрация какая-то в институте должна быть на месте, ведь приемные экзамены скоро... А может, год передохнуть? А собственно, чего отдыхать, и так десять лет отдыхал. Нет, в институт надо все же сходить, и еще попробовать восстановить прежние контакты – с Чечиком тем же, с Вадиком Крюковым, Костей Майоровым. И Балашова, наверное из психушки выпустили, если он там не свихнулся. Сколько же ему лет? Где-то за 70, жив ли? Хотя, 70 лет не так уж и много, а здоровье у него всегда было не плохое, так что если его врачи и КГБшники не угробили – наверное, жив. То-то, наверное, удивятся, когда меня услышат! А может, группа непортального пути снова в действии? Ведь гонения на религию и мистику закончились? Хотя, вряд ли, подобные группы долго не живут». Подумав о своей бывшей группе единомышленников, Андрей не ощутил острого желания вновь возобновлять прежних групповых занятий, словно эта страница его жизни была перевернута и не нуждалась в новом прочтении.

Итак, воодушевившись по поводу ближайших мероприятий, Андрей начал считать розовых слонов, но это не привело ни к каким результатам, и, возненавидев к этому времени свою кровать, он поплелся в душ, чтобы сменить ощущения, затем ему пришла в голову мысль помедитировать в душе, хотя он совершенно от этого отвык. Несмотря на то, что прежние свои упражнения он вроде бы помнил, трансового состояния долго не возникало – тем не менее, бывшие навыки все же взяли свое, Андрею удалось прокрутить дуплекс сферы, и он впал в необходимое состояние, когда окружающее как бы исчезает, а по внутреннему экрану начинают пробегать мимолетные видения ландшафтов, лиц, ситуаций. Тело его наполнилось серебряным звоном, и через час возникла сонливость. Стараясь не спугнуть желанную гостью, Андрей вылез из ванны и, спотыкаясь, побрел в спальню. За окном уже почти рассвело, правда в зашторенной комнате царил полумрак. Сонливость почему-то резко усилилась, тем не менее, Андрей, прежде чем бухнуться в кровать, бросил на себя взгляд в уже знакомое нам по прежним событиям большое зеркало 18 века. И тут сердце его похолодело: из зеркала на него глядел 10 летний мальчик – он сам в далеком прошлом – и делал манящий жест рукой. Андрей, словно в сомнамбулическом состоянии, шагнул к зеркалу и дотронулся до его холодной поверхности, но тут перед его глазами все поплыло, и он то ли потерял сознание, то ли вовсе выпал из текущего времени.

ГЛАВА 2. Снова Трускавец

...Сознание вынырнуло из глубокой темноты небытия и погрузилось в свет. Андрей открыл глаза и увидел, что стоит недалеко от летнего домика в большом саду в тени старой яблони. На мгновение шевельнулась мысль, что еще мгновение назад он находился где-то в другом месте, и был совсем не тем, кем себя сейчас ощущает.... Шевельнулась – и погасла, как гаснет через несколько секунд после пробуждения память о причудливом сне....

«Что такое? – подумал мальчик (да-да, именно десятилетний мальчик), – я что, сознание терял?» – Память какой-то другой жизни и событий уже угасла, но осталось ощущение психологического дискомфорта, который бывает у человека, только что помнившего, но забывшего что-то очень важное.

Андрей вспомнил, что вышел в сад – просто так, от скуки, и вдруг у него потемнело в глазах, и кажется на какое-то мгновение он отключился. Тем не менее, это было какое-то мгновенное помрачение, и он даже не упал, а только оперся на ствол яблони. Но сейчас это помрачение бесследно ушло, самочувствие казалось абсолютно нормальным – вот только это странное ощущение, будто он только что помнил нечто важное – и забыл! Хотя, что он такого особенно важного мог помнить? Ничего интересного в Трускавце за эти две недели не произошло: скучный маленький городишко, провонявший Нафтусей, а его жизнь также скучна и однообразна, где каждый день одно и то же – хождение на воды, прогулки по городу, в парке, или дальнем лесопарке. Ну была еще экскурсия в Карпатские горы, но в автобусе его укачало, сильно тошнило, а в довершение удовольствия несколько раз вырвало. Ясно, что после такой прелюдии ни о каких дальнейших положительных впечатлениях не могло быть и речи. Сама поездка в поезде в Трускавец? В поездах он уже не раз ездил, и первое очарование далекого детства, от непрерывно сменяющихся, улетающих в небытие картин за окном, от постепенного изменения ландшафта и растительности давно прошло: пыль, жара, скука и постоянные приставания к маме – сколько еще осталось до их станции. А этот ужасный храп соседей по купе! Он толком не смог заснуть в эту ночь. Может он что-то необычное во сне видел? Иногда такое ощущение оставляет забытый по утру сон.... Да нет, вроде бы это не со снами связано, и вообще он давно ничего интересного во сне не видел.

Тут Андрей обратил внимание на то, что к калитке подъезжает такси, и из него выходит красивая, хорошо одетая женщина и девочка лет десяти. У Андрея ёкнуло сердце, а неприятная тяжесть только что забытого сменилось ощущением Дежа вю: в его жизни, этой, или какой-то еще (какая может быть другая жизнь, ерунда какая-то!) происходило нечто связанное с этой девочкой! И в то же время его рациональный разум хорошо осознавал, что никогда раньше он ее не видел. Может, он влюбился с первого взгляда? Об этом ведь часто в книжках пишут! Да, нет, вроде бы, – девочка симпатичная, но не такая уж красавица, в которую можно влюбиться с первого взгляда: довольно высокая, с него ростом, или даже выше, и худая – этакий журавль на длинных тоненьких ногах. И тут Андрея словно бы что-то подтолкнуло в спину, и он сделал то, чего сам от себя не ожидал, при его замкнутости и стеснительности: он бросился к калитке и, видя что мама с дочкой вытаскивают из такси чемоданы, предложил свои услуги.

– Какой воспитанный мальчик, – сказала женщина с одобрением глядя на Андрея, – ну помоги, у нас здесь много вещей. Ты местный? Отдыхающий? Судя по выговору, не местный.

Андрей схватил большой чемодан («Донесу ли?» – мелькнуло в его голове), затем мягко взял чемодан из руки девочки.

– Давай, я понесу, – сказал он хриплым от смущения голосом, – я все же мальчик.

– Ну, понеси, – кокетливо, с явной симпатией глянула на него девочка, затем доверительно, словно к старому знакомому, она наклонилась к его уху и, чтобы не слышала мама, зашептала:

– Как тебя зовут? Мне кажется, я тебя знаю!

«И у нее то же самое!» – Вздрогнул Андрей. – «Прямо колдовство какое-то».

– Андрей. – Ответил мальчик, потупив глаза, а затем, словно эта девочка была участницей какой-то общей тайны, зашептал: – И мне кажется, я тоже тебя знаю, или знал давно, да забыл, а сейчас снова вспомнил. Ты откуда приехала?

– Из Москвы, меня Аней зовут.

– Ну, тогда, вряд ли, – с сомнением наморщил нос Андрей, – я из Ленинграда, и никогда в Москве не был. А ты в Ленинграде была?

– Тоже не была.

– Тогда совсем не понятно, откуда у нас обоих это чувство!

Мама девочки уже стучала в дверь большого хозяйского дома, дети остановились около крыльца, и тут в жизни мальчика произошло первое, как сейчас бы выразились, аномальное явление, отчего он вытаращил глаза и уронил чемоданы. Прямо из закрытой двери появилась девочка, копия той, что стояла рядом с ним, но призрачная, полупрозрачная (Андрей хорошо запомнил, что через нее просвечивала дверь) и направилась им навстречу. И еще, он вдруг вспомнил то, что случилось перед тем, как у него потемнело в глазах: он так же, как эту девочку-призрак, увидел самого себя, идущего к нему навстречу – но все произошло так быстро, что он даже не успел как следует испугаться. Этот двойник приблизился к нему вплотную и исчез – и в этот момент Андрей потерял сознание, а когда пришел в себя, то все забыл. Теперь же ситуация повторилась, но с этой девочкой, и продолжалось мгновение. Краем глаза Андрей успел заметить, что глаза Ани расширились от ужаса, она словно бы заслонилась рукой от яркого света, а затем призрак исчез, как бы войдя в нее. И тут, видимо, девочка тоже потеряла сознание, или впала в оцепенение – по крайней мере в первое мгновение, когда Андрей дернул ее за руку, она никак на это не отреагировала. Мама же девочки, хотя призрак вышел из двери, и буквально коснулся ее, ничего, по-видимому, не заметила, не обернулась на детей, и преспокойно вошла внутрь дома, когда ей отворила хозяйка. Девочка сильно пошатнулась, и возможно упала, если бы Андрей не придержал ее за руку, затем глубоко вздохнула, и глаза ее приняли осмысленное выражение. Она как-то странно, и с еще большим интересом, чем раньше, посмотрела на Андрея, а затем мягко пожала ему руку (мальчик продолжал ее придерживать).

– Ты в порядке? – Взволнованно спросил Андрей, он все еще не мог прийти в себя от пережитого. – Ты видела?...

– А ты, что ты видел? – Девочка пристально и как-то оценивающе глянула на Андрея.

– Ты знаешь, ты, наверное, меня за сумасшедшего сочтешь, но, честное слово, раньше со мной ничего подобного не происходило! Буквально перед тем как ты оступилась, – (Андрей хотел сказать «потеряла сознание», – но не был в этом уверен), – я видел, как из этой двери, не открытой, а когда твоя мама туда звонила, и она еще закрытой была, вышла девочка, как две капли воды, на тебя похожая, но не настоящая, а как бы прозрачная – через нее дверь просвечивала – прямо в тебя вошла, и исчезла. Все это, может, не больше секунды заняло, но я эту девочку видел, а твоя мама – нет, хотя этот призрак совсем близко от нее прошел, даже, кажется, задел слегка. Ну, дела! А нам везде говорят – и в школе и по телевизору, что привидений не существует! Значит, все-таки существуют!

– Конечно, существуют, – пожала девочка плечами, словно встречала привидений каждый день, – только это не приведение..., вернее не совсем приведение.

– А кто, дух?

– В принципе, привидение тоже дух, – сказала девочка с видом знатока, словно ей известно такое, что Андрею и не снилось. – Дух – очень широкое понятие. Можно сказать, что это был дух, а если точнее – это была я сама....

– Кто?! – Андрей, который только что боялся, что его примут за сумасшедшего, посмотрел на девочку с некоторой опаской – а может, она сама ку-ку.

– Как это, ты сама? Разве может человек существовать и тут и там одновременно – тем более, та просвечивала, и через закрытую дверь прошла.

– Знаешь, – девочка словно бы что-то вспомнила, и Андрею показалось, что за эти несколько минут у нее как-то неуловимо изменилось лицо, он даже бы затруднился сказать, в чем это именно проявилось, это было скорее интуитивное ощущение, а не реальные изменения – словно бы в глазах глупенькой десятилетней девчонки вдруг засветилась мудрость многоопытной жрицы, владеющей тайными знаниями. – Можно жить одновременно в нескольких местах, и даже временах, и каждая из этих половинок или частиц тебя самого могут даже не знать о существовании своих двойников, и никогда в этой жизни с ними не встречаться. – Она замолчала, словно то ли с трудом подбирала слова, то ли перед ее сознанием пробежали какие-то неведомые картины, и она никак не могла от них освободиться. – Только что я эту свою половинку встретила. – Она посмотрела на Андрея, как на старого знакомого, и продолжила. – Если бы ты пять минут назад меня об этом спросил, я бы, наверное, только пальцем у виска покрутила, как это ты наверное сделать собираешься.

– Ты хочешь сказать, что пять минут назад ничего этого не знала, и вдруг узнала? Так не бывает...

– Если бы тебе еще совсем недавно кто-то сказал, что видел привидение или двойника девочки, которой ты помогал нести чемоданы – что бы ты сказал? Тоже бы сказал, что не бывает. А теперь?

– Теперь я уж и сам не знаю, что думать. Это ведь еще не все, – Андрей огляделся по сторонам, словно боялся, что их кто-то услышит. – Дело в том, что перед тем, как ваша машина к калитке подъехала, со мной то же самое произошло: словно бы, когда я в саду гулял, навстречу мне я сам вышел, приблизился и пропал, и я тоже как бы на мгновение сознание потерял. Правда, когда в себя пришел, почему-то все забыл – вернее помнил, что что-то важное произошло, но что именно, не помнил. А когда этот призрак из двери вышел – тут я все и вспомнил. И все же, что это такое было, и как такое возможно?

– Наверное я бы могла тебе объяснить, только ты пока это не поймешь, ты не готов. Могу предположить, что это тоже была твоя половинка, которая существовала в другом времени и другом мире. Скорее всего, именно она, а вернее ты-иной, помог мне воссоединиться с моей половинкой, и это очень важно, спасибо тебе огромное! – Девочка посмотрела на Андрея с благодарностью.

Из всего сказанного Андрей почти ничего не понял, но ему вдруг стало обидно, что какая-то девчонка, его ровесница, наставляет его как маленького ребенка, словно знает гораздо больше, чем он – причем, самое обидное, в глубине души Андрей сознавал, что так оно и есть.

– Послушай, – сказал он с некоторым раздражением, – откуда ты все это знаешь, да еще и говоришь, как взрослая! В какой-то книжке прочитала? Что-то я таких книжек никогда не видел. Ты все так складно объясняешь, а я ничего понять не могу. Или тебе кто-нибудь об этом рассказывал – но как ты это все смогла запомнить?

Девочка снова взглянула на Андрея странным взрослым взглядом «умудренной опытом».

– Ты не поверишь, – сказала она, пожав плечами – но я тебе уже говорила, что 10 минут назад я этого ничего не знала – вернее, знала когда-то, но не помнила. Когда же моя призрачная половинка вошла в меня – все вернулось!

– Но, как же так, – сказал Андрей, – со мной тоже ведь, можно сказать, чудо приключилось, даже раньше, чем с тобой, но я ведь ничего такого мудреного не узнал, и не вспомнил...

– Я не знаю, – пожал плечами девочка, – я тоже пока не все понимаю, может быть ты все вспомнишь позже, а может быть тебе необходимо будет к этому подготовиться. Я не знаю, как все это произойдет у тебя.

– Что значит, «подготовиться»? А ты, выходит, была подготовлена?

– Похоже – да, правда не знаю, как именно, ко мне тоже не вся еще память вернулась.

– Что-то я не понимаю, – все никак не мог ухватить нить смысла Андрей, – с тобой, значит, что-то происходило, и ты об этих всех вещах, которые я не понимаю, узнала – а потом – бах – и все забыла! А сейчас – бах – и все вспомнила!

– Можно и так сказать, – развела руками девочка. – Просто два года назад я потеряла свою половинку, и она унесла с собой эту память – а сейчас она вернулась. Как по другому объяснить, я не знаю. Но у тебя, наверное, было все по-другому. Ты в этой жизни своей половинки не терял, и знаешь только то, что знаешь. Но связь со своими двойниками все равно осуществляется, хоть мы, как правило этого и не осознаем. Иногда контакт происходит во сне, и тогда мы видим что-то важное, но поутру забываем, и часто очень мучаемся от этого. А иногда эти его подсказки – некие предчувствия, и тогда мы можем угадать будущее, или еще что-то.

– Странно ты как-то говоришь.... – До Андрея по-прежнему плохо доходили объяснения Ани.

– А разве то, что с нами только что произошло – не странно?

– Да, странно, конечно, – опустил глаза Андрей. – Обидно только: ты понимаешь, что произошло, а я нет, хоть ты и пытаешься мне объяснить.

– Не расстраивайся, Андрюша, – она вновь обратилась к нему, как к старому знакомому, – когда-нибудь ты все поймешь, и еще поймешь одну вещь, которая возможно покажется тебе неожиданной: мы долго не могли найти друг друга, и вот, наконец, нашли.

– Мы что, знакомы?

– Да, и очень давно – ты, кстати, это подспудно почувствовал.

– Но ведь я ничего не помню!

– Не важно, ты же сам сказал, будто тебе показалось, что ты меня давно знаешь. Это действительно так, только мы встречались не в этой жизни, и не в этом мире, и не в этом времени. Я постараюсь помочь тебе все это вспомнить.

– Анечка, мальчик, – вдруг показалась мама девочки на пороге дома, – ну, что ж вы на пороге стоите, не заходите? Я тут с хозяйкой заговорила, думала, вы давно уже вещи занесли, а вы все тут стоите!

– Ой, действительно! – Спихватилась Аня. – Что же мы тут стоим? Пошли в дом.

– Да неудобно как-то, – вдруг засмутился Андрей, – вы сейчас будете вещи разбирать, в новом доме осваиваться. Чего я буду под ногами путаться! Давай лучше позже в саду встретимся, и ты мне еще что-то такое расскажешь. Вы надолго приехали?

– На месяц.

– А мне две недели осталось....

Андрей помог занести вещи в дом и, сославшись на то, что его ждет мама, покинул новую знакомую.

«Какая удивительная девочка!» – Думал Андрей, вернувшись в свою комнату. Его мама хлопотала на кухне, и сказала, что они сейчас сядут обедать, и чтобы он никуда не уходил. – «Или она сумасшедшая, или действительно знает что-то такое, что никто не знает. И говорит, как взрослая, хотя и чтобы взрослые так говорили, я не слышал. Но ведь действительно произошло что-то необъяснимое. Может, мы оба с ума сошли? Но тогда, как мы могли видеть одно и то же, ведь даже если у меня была галлюцинация, то не могли же мы оба одну и ту же галлюцинацию видеть! Что же теперь делать? Жил, как все, ничего удивительного в жизни не происходило, и вдруг – на тебе!»!

Андрей чувствовал, что доселе ясная и понятная картина мира сильно пошатнулась в его голове, и от этого становилось страшновато. Оказывается, у людей существуют какие-то другие половинки, которые каким-то немислимым образом живут в других мирах и временах, а их двойники об этом даже не подозревают. И что значит «в других мирах и временах»? На другой

планете, что ли? Но как мог этот призрак прилететь с другой планеты? На призрачном космическом корабле что ли? Что-то вроде космического Летучего Голландца? Андрей на секунду представил этакий космический корабль, наполненный то ли мертвецами, то ли приведениями, и ему стало совсем не по себе: бред, сумасшествие какое-то, не может такого быть на свете! И все же, и своего двойника, и двойника этой девочки он видел своими глазами, и от этого невозможно было отмахнуться.

Весь оставшийся день Андрей, в жизни которого доселе не происходило ничего чудесного и загадочного, крутился вокруг хозяйского дома, где поселилась таинственная Аня с мамой. Зайти он не решался – нельзя было проявлять столь явный интерес, еще подумает, что он влюбился, да и друзей среди девочек у него раньше никогда не было, и он всегда чувствовал себя скованно в присутствии юных представительниц прекрасного пола. Но теперь тайна, связанная с Аней, настолько захватила его, что он жаждал продолжения знакомства, смутно чувствуя, что это еще не последние чудеса. Но, к сожалению, в этот день пообщаться с новой знакомой ему не удалось, видимо она занималась обустройством на новом месте, а ближе к вечеру они с мамой ушли в город и вернулись совсем поздно.

Ночью Андрею приснился странный сон. Он видел себя уже совсем взрослым, будто бы гулял по берегу прекрасного спокойного моря с аквамариновыми прозрачными водами. Был светлый яркий день, какие редко видишь во сне, но солнца над головой он не заметил, хотя на небе не было ни тучки. Вскоре пустынное побережье сменилось фантастическим приморским городом, с такими грандиозными циклопическими зданиями, которые закрывали половину небосвода, что хоть это и было во сне, у Андрея захватило дух. Особенно его поразил гигантский памятник, который стоял на постаменте на самом берегу моря, и напоминал чем-то хорошо известный Андрею Медный всадник, но кто конкретно сидел на коне, было невозможно разобрать, поскольку верхняя часть монумента скрывалась в невообразимой вышине. И еще: Андрей почему-то знал, что это город будущего, и находится он в другом мире, который во многом похож на наш, но существует в другом временном континууме. Он бродил по улицам среди всяческих архитектурных чудес, и наблюдал за снующими то тут, то там людьми, которые все почему-то были в мотоциклетных шлемах, скрывающих лицо, и в обтягивающих комбинезонах, наподобие тех, которые носят пилоты сверхзвуковых истребителей. Люди не обращали на Андрея внимания, Андрей наблюдал их как бы со стороны, в отдалении, а навстречу ему никто не попадался, и он почему-то знал, что это биороботы-инопланетяне, и что они его не видят, иначе бы несомненно схватили и утащили Бог знает куда.

И тут Андрей увидел прохожего, который шел ему навстречу, выглядел так же как и остальные, но в отличие от них явно заметил Андрея и направлялся конкретно к нему. Андрей хотел посторониться, убежать, но непонятная гордость не позволяла ему этого сделать, и он тоже шел на незнакомца, словно в лобовую атаку, хотя душа у него буквально ухнула в пятки. Незнакомец остановился на некотором расстоянии от Андрея и, словно шляпу, снял мотоциклетный шлем и раскланялся. Когда он выпрямился, Андрей похолодел: перед ним стоял он сам, но лет двадцати (примерно того же возраста он ощущал себя во сне, забыв, что на самом деле он десятилетний мальчик), и с интересом рассматривал Андрея.

– Привет, братан, – сказал он фамильярно («У меня же нет брата!» – Подумал Андрей), – какими судьбами тебя в город будущего занесло.

– На поезде, – ответил Андрей, и тут вспомнил, что действительно прибыл сюда на поезде, но не в купе, а на крыше товарного вагона. – Кстати, а ты-то кто такой?

– Не узнаешь? – Усмехнулся двойник. – Да ты сам и есть, много нас, на самом деле, хотя по-настоящему, живых конечно мало, большинство – куклы ходячие, вон их сколько тут шляется.

– А что, это тоже все я? – Ужаснулся Андрей.

– Конечно! Да посмотри сам.

Безо всякого смущения двойник подошел к одному из спящих то тут, то там «пилоту», и сдернул с него мотоциклетный шлем. И вправду, это тоже была копия Андрея, но с каким-то восковым, толи пластиковым лицом, лишенным всякой жизни, затем подскочил к еще одному, затем – еще и еще. Действительно, все это были копии Андрея, которые, как только живой двойник срывал с них шлем, тут же застывали в неподвижности.

– Вот видишь, – усмехнулся «живой», – не город, а музей восковых фигур.

Тут он дал одному из застывших двойников пинка под зад, да с такой силой, что тот взвился в воздух и пролетел десяток метров, теряя по пути конечности, а когда грохнулся на мостовую, то разбился на мелкие кусочки.

«Наверное, все же не воск и не пластмасса», – подумал Андрей, – судя по хрупкости больше на фарфор похоже.

– Не жалко? – Спросил он с сожалением. – Все же такой искусно выполненный механизм!

– А, – беспечно махнул рукой живой двойник, – здесь целый город таких. Одним больше, одним меньше, с нас не убудет. Кстати, – тут его лицо из добродушного стало подозрительным, – А ты-то сам откуда взялся? В этом городе только одному живому быть положено, чтобы за этими, – он кивнул на механических двойников, – присматривать. Ты, часом, не шпион?

– Да какой я шпион! – Возмутился Андрей. – Я сам не понимаю, как здесь очутился. Я шел с работы, и никак свой дом найти не мог, ходил, ходил, потом мне показалось, что очень далеко от знакомых мест ушел. Я-то в центре живу, а бродил все по окраине. Ну я и решил домой ехать, сел на поезд, а он меня почему-то сюда привез, хоть там и было написано, что он в центр едет. Обманывают на каждом шагу!

– Врешь ты все! – Сменил любезность на хамство двойник. – А хочешь, я тебе по морде дам?

– Да я сам тебе по морде дам! – Взвился Андрей. – Да ты сам такой же не настоящий, как эти!

Они ринулись навстречу друг другу, и несомненно бы сцепились в жестокой схватке, но их остановил детский голосок, рассыпающийся звоном валдайского колокольчика.

– Ребята, прекратите!

Рядом с ними стояла недавняя знакомая Андрея, и с укором грозила им пальчиком.

– Вы же оба хорошие! Чего вы не поделили? Вам надо дружить, иначе беду накличете и счастья не увидите!

Агрессивный двойник вдруг утратил боевой дух так же быстро, как впал в ярость, и уже примирительно сказал:

– А, и правда, чего мы как с цепи сорвались? Мы же – одно и то же! Давай, помиримся.

– Давай, – успокоился Андрей, и протянул руку своему двойнику, но пожать не успел, поскольку проснулся.

Светило яркое закарпатское солнце, и в комнате стояла духота, хотя все окна, затянутые марлей были открыты. Андрей долго не мог понять, где он находится, сон так неожиданно прервался, что несколько минут Андрею казалось, будто реальность была там, а здесь – как раз наоборот, сон. Но через несколько минут все встало на свои места, и Андрей поплелся к уличному домофону, по пути вспоминая подробности диковинного сна. Почему-то держалось сожаление, что он не успел пожать руку задире, что очень важно было ее пожать. Уже когда он возвращался, в соседнем доме открылась дверь, и на крыльцо вышла его вчерашняя знакомая в белых шортиках и маечке. Увидев Андрея, она приветливо помахала ему рукой.

– Доброе утро! – Крикнул Андрей. – Выходи после завтрака в сад, погуляем, я тебе окрестности покажу.

«Кажется я начинаю к ней клеиться», – подумал Андрей, – «никогда не думал, что буду за девчонкой ухаживать! Тем более, мне всегда нравились невысокие девочки, чтобы их можно было защищать, чувствовать свое покровительство, а эта, по-моему, немного выше меня».

После завтрака Андрей заторопился в сад, отказавшись идти с мамой на Нафтусю.

– Надоела мне эта вода, и воняет от нее! – ответил он на недовольство мамы на этот счет. – Мы ее пить из-за папы приехали, но у него камень в почке, а у меня нет никакого камня. Я ее за компанию с ним ходил пить, чтобы ему не так скучно было, а теперь папа уехал, чего зря давиться!

– Но она не только почки лечит, она всем полезна, – стала возражать мама. – Глупо сюда приехать может быть первый и последний раз в жизни, и не пить Нафтусю. Это же уникальная вода, ее нельзя купить в аптеке, как Боржоми или Ессентуки, она в бутылках теряет свои лечебные свойства, и целебна лишь тогда, когда ее пьешь из источника. Все сюда только из-за Нафтуси приезжают.

– Ну, вот и пей ее сама! – Проворчал Андрей. – А меня тошнит уже.

– Во-первых, – покачала головой мама, – она совсем не противная, и когда пьешь, запаха почти не чувствуется, и потом что-то ты раньше никогда не говорил о своем отвращении к Нафтусе. Мне кажется, ты не хочешь составить мне компанию по другой причине, а? Небось, с новой соседкой о свидании договорился, – мама игриво толкнула Андрея в бок. – Что-то я раньше такой прыти за тобой не замечала, ты наоборот, всегда девочек сторонился, а тут, вот те на, и чемоданы поднес, и болтал с ней о чем-то, как со старой знакомой!

Андрей густо покраснел.

«Видела, значит, все», – подумал он смущенно. – «А интересно, призрака видела? Вряд ли, она бы сказала, и напугалась бы! Почему же, все-таки, мы с Аней его видели, а наши мамы – нет?»

Не зная, что ответить, Андрей пробормотал что-то нечленораздельное, насчет того, что подглядывать не честно.

– Ладно, – мама решила больше не смущать сына, – ты – как хочешь, можешь оставаться, а я пойду. Глупо приехать в Трускавец, и не пить Нафтусю, тем более бесплатно. Жди меня к обеду.

Мама ушла в город, а Андрей засобирался в сад.

«Надо будет ей сегодняшний сон рассказать», – думал он, выходя на крыльцо. Его несколько уязвило то, что эта девочка со знающим видом говорила ему о каких-то таинственных вещах, которые он не понимает, и ему тоже хотелось рассказать ей что-то необычное, а иначе, о чем с ней говорить, не об учебе же, не о приколах, которые они устраивали в пионерлагере в прошлом году. Ему почему-то казалось, что Ане будут интересны разговоры только о чем-то таинственном, потустороннем. А о чем потустороннем знает он? О красной руке, или черной комнате из лагерных ночных страшилок? До вчерашнего дня ничего чудесного в его жизни не происходило.

Когда Андрей вышел на крыльцо, то сразу увидел в саду Аню. Она стояла рядом со старой грушей, положив руку на ствол и, казалось, к чему-то внимательно прислушивалась. Она даже не заметила Андрея на крыльце, хотя тот достаточно громко хлопнул дверью, и никак не среагировала, когда он подошел к ней, и в нерешительности остановился в двух шагах. Она стояла с закрытыми глазами, и неслышно шевелила губами со странной полуулыбкой на лице, словно про себя разговаривала с кем-то невидимым.

«Нет, все же у нее не все дома», – растерянно подумал Андрей. – «И чем она меня так привлекает! Таких, наоборот, сторониться надо... хотя, я ведь и сам играл от скуки и одиночества в то, что с деревьями разговариваю. Правда, это было в лесу, и я именно играл, а она, похоже, серьезно – вон, даже не замечает меня».

Андрей переминался с ноги на ногу, не зная, как поступить: то ли как-то более громко намекнуть на свое присутствие, покашляв, или что-то в этом роде, или отойти и дождаться, когда Аня выйдет из своего непонятного транса. Почему-то ему показалось, что отвлекать

девочку от ее занятия бестактно, и решил подождать. Ждать пришлось минут пятнадцать, когда Аня открыла глаза, несколько ошарашено огляделась вокруг, и заметила Андрея.

– Привет, – сказала она смущенно, – ты давно здесь?

– Минут двадцать, – сказал Андрей, глянув на свою гордость – часы «Юность», которые ему подарил дедушка. Ты что, молишься? Так тут, вроде, не церковь.

Сарказм Андрея, вроде бы, не обидел девочку.

– Для того, чтобы молиться, в церковь ходить не обязательно, – наставительно сказала она. – Но в данном случае я не молилась, я с деревьями в саду знакомилась. С тремя уже познакомилась – вон с теми яблонями и этой грушей. Эта груша очень болтливой оказалась, все никак остановиться не хотела. Ей, видите ли, поговорить не с кем, яблоням она за столько лет уже надоела, и они ее не слушают.

– Ты тоже с деревьями разговариваешь? – Решил подыграть ей Андрей, хоть и не верил в реальную возможность беседы с деревом, он-то точно знал, что играя в такой разговор, беседует сам с собой, принимая то сторону самого себя, то сторону дерева. – Я тоже в это играю, только не здесь, здесь не интересно, а в лесу, в лесу деревья больше.

– Размеры не имеют значения, – сказала девочка серьезно, душа есть и в больших и маленьких деревьях, тут важен характер, деревья, как и люди, есть большие и пышные, но пустые, самовлюбленные, а есть маленькие и кривые, но с очень красивой и богатой душой. Одни – вампиры, и только высасывают из тебя всю энергию, а другие, наоборот, лечат....

– Ты, что, серьезно? – снова посмотрел на нее Андрей с некоторой опаской. – Я думал, ты играешь, понарошку....

– Ничего не понарошку, – передернула девочка плечами, – они взаправду говорят, только не вслух, не словами, а образами, и иногда очень интересные собеседники.

– Как это, образами? – Не понял Андрей.

– Ну, как бы картинки показывают, хотя и не всегда картинки, иногда – понятия, обобщенные представления....

– Погоди, – снова ничего не понял Андрей, – какие картинки, какие понятия? Я тут никаких картинок не видел.

– Не видел, потому что груша посылала их именно мне, в мое сознание, чтобы их увидеть, надо с ней в контакт вступить, а ты – не вступал.

– Так ты их как бы внутри себя видишь? – Наконец дошло до Андрея. – Это, что, как сны?

– Можно сказать, что так, только это наяву, в бодрствующем сознании, сознание должно быть активно, ведь тебе нужно поддерживать беседу, а не просто, как баран, слушать, разинув рот.

– А по-моему, – усмехнулся Андрей, – ты именно спала, только стоя, вон даже не видела и не слышала, как я подошел, хотя я и не подкрадывался, как индеец, а, наоборот, шумел.

– Все потому, – ответила Аня, – что этот разговор происходит не на поверхности чувств, как с людьми, а в глубине, как бы на другом регистре, на другой частоте, и чтобы услышать дерево, да еще чтобы оно тебя понимало, нужно переключить сознание на этот регистр. В этом случае перестаешь замечать, что на поверхности.... Хотя, если потренироваться, можно одновременно два регистра контролировать, но это труднее, на это больше сил уходит, проще переключаться.

Чем больше Андрей слушал Аню, тем больше до его уязвленного мужского самолюбия доходило, какая пропасть лежит между его внутренним миром и миром этой хрупкой девочки – и смутно ощущал, что дело не просто в их различие, а в том, что ее мир безмерно глубже и богаче его мира. Это было очень обидно, до сей поры он не встречал среди детей кого-то, кто бы его столь явно умственно превосходил. Учился он неплохо, довольно много читал, и был для своих лет прилично эрудирован. И вот теперь он – полное ничтожество.... А может, она придумывает все это?

– Да что я все это тебе говорю, ты мне, тем более толком и не веришь. – Снова заговорила Аня. – Хочешь, я тебя самого с деревьями разговаривать научу? Ты способный, ты моего двойника увидел – а это далеко не у каждого получится! Правда, поначалу придется тебе помогать, без моей помощи это у тебя вряд ли получится, а со временем – и сам научишься.

– Ты серьезно? – Неуверенно глянул на нее Андрей. – Ты так говоришь, будто деревья разумные, будто у них мозг есть. Как можно с ними взаправду говорить? Вон, у животных, как у нас, мозги есть, и то с ними нельзя, как с людьми разговаривать – хотя высокоразвитые млекопитающие, вроде собак и обезьян, понимают многие слова, что мы говорим. Но дерево же совершенно тупое.

– Это трудно объяснить, – задумчиво проговорила девочка, – оно не тупое, оно – другое, и чувства и понятия у них иные, поэтому так и трудно вступить с ними в контакт, оставаясь человеком. И все же это возможно, но надо как бы внутри себя в дерево превратиться – тогда ты его поймешь, и оно тебя тоже. А когда ты вновь в человеческий разум превращаешься, ты как бы переводишь его язык на наш. Не совсем так, но примерно, тут проще попробовать, чем объяснить. По сути, не человек с деревом разговаривает, а душа человека с душой дерева, по-другому я не могу это сказать.

– Откуда ты все это знаешь и умеешь? – Спросил Андрей упавшим голосом. Он уже открыто готов был признать всемерное превосходство девочки.

– Меня этому научил один очень симпатичный домовой, – улыбнулась девочка, – хотя в действительности он не домовой, а «бриллиант».

– Ну, ты даешь! – Хохотнул Андрей. – Это же сказки старых бабушек, домовых не существует. И потом, ты все говоришь: «душа», «душа» – но ведь ученые доказали, что никакой души нет, все это выдумки церкви, чтобы народ обманывать! Вам что это в школе не объясняли?

– Ученые доказали и то, что духов не существует, – девочка серьезно глядела в глаза Андрею, – тем не менее ты вчера убедился в обратном. И потом, Андрюша, науку «живого мира» я проходила совсем в другой школе, и об этой школе ученые не имеют никакого понятия.

– Что еще за школа такая?

– Когда-нибудь я тебе о ней расскажу, – загадочно улыбнулась Аня. – Ну, так ты хочешь с деревом поговорить?

Андрей смутился. Это, на первый взгляд невинное предложение, почему-то сильно напугало его, причем причину страха он даже бы затруднился назвать – скорее всего было смутное ощущение того, что предложенный Аней эксперимент может поколебать его привычное и уютное представление о картине мира.

– Ты думаешь у меня получится? – Пытаясь скрыть дрожь в голосе, усомнился Андрей (больше всего он боялся, что у него действительно получится).

– Я думаю да, ведь ты уже видел своего и моего двойника. К тому же, я тебе буду помогать.

– А как ты будешь помогать?

– Это трудно объяснить, я помогу тебе наладить канал связи с деревом, войти в мир его ощущений.

– А это не опасно?

– Думаю, что под моим наблюдением – нет. И потом, когда-то же надо начинать! У нас и так мало времени – ты через две недели уезжаешь.

– А ты думаешь, мне это надо? Живут же все остальные без этих штук?

– А тебе не скучно жить, как все остальные?

– Честно говоря, скучно, – признался Андрей, – но я не знал раньше, что можно жить как-то по-другому.

– Ты представь себе, – сказала Аня, – что тебя окружает огромный мир, гораздо более удивительный и интересный, чем ты видишь своими глазами! Неужели слепой, для которого

весь мир сосредоточен в звуках и прикосновениях, отказался бы от того, чтобы вернуть зрение? Не бойся, это совсем не страшно, просто твое инертное сознание держится за привычные представления о мире и боится, что эти представления рухнут.

– Ну, давай попробуем, – набрался храбрости Андрей, – правда не очень верится, что у меня получится.

– А ты не думай, ты попробуй, закрой глаза и вообрази, что ты дерево. Постарайся представить, что оно может чувствовать, покачиваясь на ветру, как по его стволу от корней медленно движутся питательные соки, как оно засыпает зимой и просыпается весной, как на его ветках распускаются листья и цветы, как из цветов формируются плоды.... Причем, ты как бы должен ощущать, что это происходит с тобой. Весь твой привычный мир исчезнет, останутся только ощущения этой старой груши, много повидавшей на своем веку.... Получается?

– Не очень, – пробормотал Андрей, который закрыл глаза, и пытался представить себе все то, что говорила Аня. – Посторонние мысли лезут в голову, сбивают, отвлекают.... – Но тут были не только посторонние мысли, какая-то его скептическая часть словно бы встала на границе неведомого, и с сарказмом говорила: «Ничего у тебя не получится, все это ерунда». Тем не менее это его скептическое «Я» испытывало смутную тревогу, словно в случае успеха оно навсегда утратит влияние на Андрея – исчезнет, растворится.... И тут в сознание Андрея проникла чужая воля и мягко переключила какой-то неведомый тумблер. В этот миг его скептическое «Я» исчезло, память об окружающем мире и привычных ощущениях оставила его. Теперь он весь сосредоточился на ощущениях дерева.... Собственно, он и был им (о, если бы только юный Андрей знал, что в другой Альтернативной жизни, во время астрального путешествия он в полном объеме испытал эту метаморфозу). Скорость мыслительных процессов во много раз замедлилась в его сознании – собственно это уже не были мысли-слова. Перед его внутренним экраном протекали полуобразы-ощущения каких-то, с точки зрения человека, незначимых событий, но, очевидно, очень важных в жизни дерева: кружение огромных мохнатых шмелей вокруг цветущей кроны, и странное наслаждение в тот самый момент, когда чувствительный пульсирующий хоботок проникал вглубь цветка в поисках сладкого душистого нектара. А когда любителей нектара – шмелей, пчел, ос, бабочек собиралось много, то эти уколы наслаждения трепетной, ласкающей аурой охватывали всю крону. Андрей, погруженный в ощущения дерева, испытывал то восторг от бурного летнего ливня, грянувшего после долгой засухи, и наполнившего дробным чувственным пульсом все жилы истомленного жаждой молчаливого существа. То упивался первыми днями весеннего тепла, когда все существо пробуждалось от многомесячной спячки, а листики – зеленые детишки, прорывающие клейкие чешуйки почек, подставляли свои зеленые флажочки навстречу ветру, дождю и ласковому солнышку. А созревание сочных плодов! А печальная сонливость увядания и горечь утраты, когда высохшие желтые листья с тихим шелестом падают на пожухлую траву. В мгновение Андрею стала близка и понятна неторопливая однообразная жизнь его молчаливых собратьев по планете Земля. А потом он совершенно естественно заговорил со старой, грушей «Дюшес» – это оказалось совсем не сложно, не надо было слов и переводчика. Чужие образы и представления без труда входили в его сознание, и так же без труда он делился с грушей своими «древopodobными» мыслями. И в переводе на человеческий язык их диалог заключался примерно в следующем:

– Почему ты такой испуганный? – Спросила груша, – ведь ты здоров, и ни тебе, ни твоим близким ничто не угрожает! Не надо ничего бояться, жизнь прекрасна, посмотри, как ласково светит солнце, послушай как весело жужжат насекомые. Мы очень чутко ощущаем ваши эмоции и болеем, когда вы болеете.

– Не знаю, – ответил Андрей, – наверное я боялся, что рухнет мой привычный мир.

– Он не рухнет, – сказала груша, – просто ты поймешь, что твой мир – всего лишь частица другого, всеобъемлющего мира, и твои страхи и печали исчезнут, как исчезают ночные тени.

Сорви мой плод, попробуй его сочную мякоть, и ты поймешь, что ни ты, ни я не случайны на этой земле, и связаны единой нитью жизни.

– Я не могу, – ответил Андрей, – это хозяйские груши, мне мама не разрешает их рвать.

– Это мои плоды, – не согласилось с ним дерево, – и когда их срывают с черенка, то они принадлежат тому, кто их сорвал. Только семечки закопай в землю где-нибудь в отдалении, может из них проклюнется хоть одна моя деточка. А то мне уже много лет, а я до сих пор не продлила свой род. Хозяйка тщательно выпальвает все побеги от моих корней и семян, она считает, что эти побеги будут отнимать от меня питательные соки, и это скажется на урожае. А я уже старая, мне надо уступить дорогу молодежи, а самой подумать о вечном, о том, чтобы стать чем-то другим....

– Что значит «чем-то другим»? Если ты не будешь плодоносить, тебя спилят и сожгут на костре. Ты разве хочешь стать пеплом?

– Ну что ж, – грустно сказала груша, – в конце концов пеплом удобряют землю, чтобы лучше росли другие деревья. Конечно, я мечтаю о другом уделе, но мир не справедлив, мечты редко сбываются....

– О чем же ты мечтаешь?

– Я всегда хотела, чтобы из моего ствола сделали скрипку, ведь скрипки делают из груши. Я так люблю музыку, особенно скрипичную – это, наверное, связано с зовом рода. Возможно, если бы из груш делали кларнеты или фаготы, я бы любила духовую музыку, или, скажем, рояль – тогда бы мне были ближе фортепьянные звуки. В общем-то музыка, рождаемая в недрах тел моих братьев мне мила всякая, не терплю только звуки медных труб – они мне, как пилой по сердцу! Наверное, именно поэтому в саду Готимны, куда попадают наши души после смерти, звучат только скрипки, виолончели, кларнеты, фаготы.... Ты, случайно, скрипки не делаешь?

– Нет, – смутился Андрей, – я и стамеску-то в руках держать не умею.

– Жаль, – разочарованно произнесла груша, – я так мечтаю, что сюда когда-нибудь придет отдыхать мастер, изготавливающий скрипки, и поймет, что из моего ствола можно сделать инструмент, подобный скрипкам Страдивари.... Но это все мечты, скорее всего меня просто спилят и сожгут, когда я перестану приносить плоды, а люди так и не поймут, что возможно вместе со мной сжигают настоящий скрипичный шедевр.... А жаль.

– Так деревья любят музыку? – Удивился Андрей. – Никогда бы не подумал.

– О, далеко не всю, – сказала груша, – мы – мелодисты, и не терпим современную какофонию, или этот, как его... рок. Почему люди им сейчас так увлекаются? Он же только повышает кровяное давление, убивает чувство прекрасного, и программирует людей на всякие групповые безумства. То ли дело – Моцарт, Шопен, Чайковский....

– Откуда ты все это знаешь? – Продолжал удивляться Андрей. – Я думал, деревья ничего не знают, почти, как камни.

– К сожалению, так думает подавляющее большинство, – грустно сказала груша. – Да вы, люди, вообще самовлюбленны и самонадеянны – считаете, что ничего путного, кроме вас, Господь на земле не создал, и что вам все позволено за счет других. Кстати, твой пример по поводу камней тоже не совсем уместен. Камни, что б ты знал, тоже живые, и среди них встречаются довольно интересные экземпляры, неплохо разбирающиеся в философии «Вечности», и других космогонических проблемах. Правда, они излишне рационалистичны и сухи. В музыке, например, совершенно не смыслят. Да, что я тебе объясняю, попробуй, поговори вон хоть с тем симпатичным валуном на клумбе. Очень своеобразный тип.

– Ты знаешь, – сказал Андрей, – мне кажется, я не смогу к нему подойти. У меня сейчас такое чувство, что я – дерево, и к этому месту корнями прирос, а если я снова в человеческое состояние перейду, то уже ни с кем говорить у меня не получится.

– А зачем с места сходить? – Хмыкнула груша. – Мне, думаешь, чтобы с камнями поболтать, или с теми дальними яблонями-придурками, с места что ли сходить надо? Не думаю, чтобы это у меня вышло, даже если бы сильно захотелось. Если мне куда-то надо сходить, я вполне могу это и в астральном теле сделать.

– А что это за астральное тело?

– Ты что, таких элементарных вещей не знаешь? А еще человек! Как же тебе удалось ментальный образ дерева принять, и со мной в контакт вступить?

– Это мне Аня помогла, – признался Андрей, – у меня самого скорее всего ничего бы не получилось. Это она так сделала, что я мысленно в дерево превратился. Правда, я сам не понимаю, как это у нее получилось.

– Ну, вот ее и спроси насчет астрального тела, это долго объяснять, особенно неподготовленному. А потом, возможно, у нас с людьми разные представления о природе этого феномена. Если уж совсем примитивно, то это сгусток наших чувств, который вне тела существовать может.

– Как это, вне тела?

– А так это, я же говорю – долго объяснять! Я в теоретических вопросах эзотерики не очень сильна. Да, ну тебя! – Почему-то обиделась груша: возможно она и сама плохо понимала, что такое «эзотерика». – Тупой ты, какой-то. Пусть тебя Аня получше в теоретических вопросах подкует, тогда и побеседуем! – Андрей почувствовал, словно груша отгородилась от него невидимой стеной, и все его образы словно бы увязли в какой-то неведомой густой субстанции. В этот момент у него возникло кратковременное головокружение, а затем вернулось привычное человеческое состояние.

– Ну, как? – Аня смотрела на него с легкой улыбкой. – По-моему у тебя получилось.

– Да... – Только и сумел произнести Андрей. Он никак не мог прийти в себя после удивительного разговора с, казалось бы, неодушевленным предметом. Или, по крайней мере, полуодушевленным, который, к тому же, обвинил тебя, венец природы, в тупости и непонимании элементарных вещей. – Если бы еще вчера, – продолжил он после некоторого молчания, – кто-то сказал мне, что такое возможно, я бы только посмеялся над ним... Послушай, – тут лицо его приняло подозрительное выражение, – а может это ты со мной мысленно говорила, а не дерево, я что-то такое о телепатии слышал, правда, честно говоря, тоже не особенно в нее верил.

– Ну, ты даешь! – Рассмеялась Аня. – Чего ни коснись – ни во что ты не веришь: в духов-двойников, которых своими глазами видел – не веришь, в телепатию тоже не веришь, хотя только что сам ею пользовался. Может, и меня не существует, и этого сада?

– Да, нет, – смутился Андрей, – конечно верю, – просто все это так неожиданно на меня свалилось! Я раньше с этими вещами не сталкивался, да и людей не встречал, которые с этим сталкивались. Значит, то, что в школе говорят, и по телевизору, что чудес на свете не бывает – все вранье?

Аня пожала плечами.

– Я не знаю, вранье это, или нет. Наверное, люди, которые это говорят, искренне верят, что чудес на свете не бывает. У них – своя правда – и все-таки это не правда, поскольку «Живой мир» существует, его можно видеть, и туда можно входить через особые двери, и эти двери не надо искать где-то за тридевять земель – они расположены в нас самих, но для того, чтобы их открыть, иногда уходят годы. Хотя изредка это можно делать внезапно. Правда, если человек их открывает внезапно, без подготовки, как ты например, – то это означает, что он уже работал над их открытием, но не здесь, в другой жизни, хоть и не помнит этого.

– Это что еще за другая жизнь? – Снова не понял Андрей.

– Человек проживает много жизней, – задумчиво сказала Аня, – думаю, со временем ты это сможешь понять. Душа человека бессмертна, и переселяется из тела в тело после того, как тело умирает. Но это только часть истины. Существуют параллельные миры, параллельные

потоки времени, и в них живут отражения нашей души – ее двойники. Вчера что-то подобное ты видел своими глазами. Не знаю, смогу ли я это объяснить более понятно. Твой разум еще не готов, хотя душа уже готова – иначе бы ты не увидел двойников и не встретил меня.

– Голова идет кругом, – сказал Андрей, садясь на лавочку, недалеко от «умной груши». – Иногда мне кажется, что я что-то начинаю улавливать, а иногда – что абсолютно ничего не понимаю и никогда не пойму.

– Это сопротивляется твое инертное «Я», – сказала Аня серьезно, – оно еще долго будет тормозить твои попытки постичь науку Живого мира. Это – не лучшая твоя часть, но она тоже пока необходима, она, как предохранитель, который сдерживает в человеке мощные энергии, в противном случае эти энергии могут просто взорвать человека, разрушить его разум... – Знаешь, – переключилась Аня, видя, что Андрей снова плохо понимает, о чем идет речь, – давай к этим вопросам позже вернемся, когда что-то в твоей голове будет проясняться, а то ты не выдержишь потока новой информации. Все это может быть опасным, и если бы я поняла, что ты самый обычный мальчик, никогда бы тебе этого не стала говорить, и не помогла бы вступить в контакт с деревом. Но ты видел двойников, и потом, когда ко мне вернулась моя вторая память, я тебя узнала, и вспомнила где мы с тобой встречались – нет, не здесь, не в этом мире! – оговорилась она, видя, что Андрей снова непонимающе на нее уставился. – В настоящей жизни мы встретились впервые, но ты ведь сам сказал, что тебе кажется, будто ты меня знаешь. Это помнит твоя душа, а разум – нет, поскольку разум помнит только то, что произошло в этом мире, в этой жизни. Обо всем этом я тебе обязательно расскажу, но не сейчас, не все сразу, пусть информация поступает дозированно, а то может не выдержать рациональный ум.

Было впечатление, что Аня очень торопится, словно осознает, что времени для их встречи отпущено не много, и в то же время опасается, что от услышанного у ее подопечного может поехать крыша, и это несоответствие вызывало в ней нервозность и внутреннюю дрожь. Это состояние передалось Андрею, и его начало «поколачивать», и даже слегка подбрасывать на скамейке.

– Чего это меня т-т-т-рясет? – Сказал он, даже слегка заикаясь. – Вроде бы не холодно на улице.

– Это пройдет, не бойся, – сказала Аня, – ты впервые столкнулся с такого рода энергиями, и твой организм отвечает на них ознобом. Ничего, скоро он привыкнет. А теперь расскажи, что тебе сообщила груша.

– Так значит, это все же не ты?

– Нет, конечно!

– И ты не слышала, о чем мы мысленно переговаривались?

– Нет, я просто помогла твоему сознанию переключиться на другой регистр, войти в измененное состояние – сам ты не сразу научишься это делать – но мне важно, чтобы ты научился входить в подобные состояния самостоятельно за две недели, пока мы вместе.

Андрей хотел сказать, что, может быть это и не нужно, ведь жил же он раньше без всякой мистики, как все нормальные люди, но внезапно понял, что жить, как раньше, после встречи с этой удивительной девочкой он уже не сможет, словно оступился и попал в горную реку, а теперь его несет навстречу неизвестности, хочет он того или нет.

– Ну, ладно, – сказал Андрей, решив отложить все вопросы на потом, и пересказал, о чем успел поговорить с умной грушей.

– Молодец! – Сказала Аня, словно мама, которой Андрей сообщил о том, что получил пятерку по математике. – Очень важно, что ты все это так подробно запомнил – это хороший признак. Многие могут переключать регистр, но, возвращаясь к прежнему состоянию, все, или почти все забывают.

– Ты кого-то уже обучала этому раньше? – Недоверчиво спросил Андрей.

– Да, нет, ты – первый.

– Тогда откуда ты знаешь, что именно так, а не иначе?

– Мне это говорил Варфуша, когда обучал науке Живого мира.

– Кто это?

– Я тебе о нем говорила, это домовой-бриллиант и посланник Навны.

– Кого?

– Прости, я все забываю, что в этом воплощении ты пока совершенно невежественен.

– Ну, вот, – обиделся Андрей, – обзывать начала. Я, может, тоже много знаю того, чего ты не знаешь: у нас дома 50 томов Большой Советской Энциклопедии, и я там постоянно о всяких незнакомых вещах читаю!

– А зачем все это? – Пожала плечами Аня.

– Как, зачем, – смутился Андрей, – для общей эрудиции!

– Это, чтобы перед друзьями похвастаться?

– Ну, почему, – растерялся Андрей, чувствуя, что в целом Аня права, – просто интересно.

– А мне кажется, чем забивать голову всякой ненужной информацией, лучше потратить время на изучение Живого мира. Ладно, не обижайся, ты обещал мне здешний лес показать? Давай ходим.

– Давай, – обрадовался Андрей, – тем более моя мама все равно ушла в парк Нафтгусю пить, и вернется только к обеду.

– Хорошо, тогда я только сбегая, скажу своей маме, что ты мне местные окрестности покажешь.

Аня ненадолго зашла в хозяйский дом, а затем ребята отправились к дальнему лесу. Они миновали район деревянных окраин, где за высокими заборами и пышными плодовыми деревьями почти были не видны одно-двухэтажные домики, и вышли в поле, на окраине которого темнел могучими елями дальний лес. Андрей, оставив скользкую мистическую тему, рассказывал своей новой знакомой о Ленинграде, в котором Аня никогда не была, затем перешел на всякие забавные истории из своей школьной жизни, и вообще взял инициативу беседы в свои руки, с удовольствием отметив, что во многих приземленных вопросах он гораздо более сведущ, чем Аня.

– А ты раньше с мальчиками дружила? – Задал он наконец давно вертевшийся у него на языке вопрос.

– У меня вообще было мало друзей... среди людей, – задумчиво ответила Аня. – Одноклассники меня вообще избегали... после одной истории. Сказать по правде, они меня просто боялись, хотя я никому ничего плохого не сделала. А потом, после другой истории, я некоторое время лежала... даже не знаю, как сказать, может это тебя тоже напугает... в общем я лежала в психиатрической лечебнице – после этого меня еще больше сторониться стали. И я привыкла обходиться без друзей. Нет, друзья у меня были, и не мало, но не люди...

– Как это, не люди, животные?

– Я думаю, что за отпущенные нам две недели я успею познакомить тебя с некоторыми из них. – Загадочно посмотрела на него Аня.

«Как она непривычно выражается!» – Подумал Андрей. – «Что значит, отпущенные две недели? Кто их отпустил? Ну, уезжаю я через две недели, и никто не знал, что мы здесь встретимся, а она словно бы знала, и собралась какую-то программу, заранее составленную, по моему обучению непонятно чему за этот срок осуществить. Теперь сама призналась, что в дурдоме лежала... Хотя, конечно, она совсем не похожа на тех девчонок, которых я знал раньше. Может, поэтому меня так к ней и тянет».

– Скажи, – осторожно спросил Андрей, – а почему тебя в психушку положили?

– Это долгая история, – задумчиво поглядела в облака Аня, – не знаю, готов ли ты ее выслушать. Возможно, после нее ты меня окончательно сочтешь сумасшедшей. И начинать ее нужно, чтобы она была понятнее, с давних событий, когда мне было 5 лет. Возможно, это тебе

покажется диким, но в одном из ее эпизодов ты тоже принимал участие, вернее твой двойник из параллельного времени, – добавила она, видя, что Андрей смотрит на нее с некоторой тревогой, – боюсь, что если я тебе все во всех подробностях расскажу, то ты будешь меня сторониться, как и все остальные, а я не имею права тебя отпугнуть. Я обязана передать тебе кое-какой опыт – это не моя прихоть, это решено там, наверху, – загадочно подняла Аня глаза к небу. – Поэтому, подожди немного, я расскажу тебе свою историю чуть позже, когда ты окончательно убедишься в том, что я не сумасшедшая, и Живой мир – действительно реальность.

– Уж после того, как я призраков видел и с грушей беседовал, меня по-моему ничто удивить не сможет! – Несколько самоуверенно сказал Андрей.

– Погоди, это только начало, – снова загадочно улыбнулась Аня, – не торопись, все в свое время, иначе твой рациональный разум попытается убедить, что все это тебе приснилось, а я сумасшедшая. Как-то Варфуша процитировал мне слова одного христианского святого: «Пока не узрите чудес и знамений – не уверуете».

И снова Андрею показалось, что с ним говорит взрослая женщина, уж больно не детские вещи произносились, и недетские глаза то и дело пристально всматривались в его лицо. Тем не менее, слова «христианский» и «уверуете» были красной тряпкой для его доселе атеистического разума, уж слишком много помоев было вылиты на эти понятия школой, радио и телевидением за его короткий век. Нет, он не был воинствующим атеистом, и в его неверующей семье вообще старались не касаться вопросов религии, но мама всегда говорила, что нельзя смеяться над человеческими убеждениями и верой в Бога, поскольку люди не виноваты в том, что их так воспитали – пусть даже они и заблуждаются, и что интеллигентный человек должен быть веротерпимым. Тем не менее, его раздражало то, что бабушка, хоть явно не молится и в церковь не ходит, не желает признать тот очевидный факт, что «Бога нет», и на все его попытки вступить в антирелигиозный диспут, мягко отвечает: «Что-то такое есть, когда-нибудь ты это поймешь, только нельзя в нашей стране об этом никому говорить» (Бабушка росла в верующей семье, но в советское время, будучи лицом непролетарского происхождения, привыкла тщательно скрывать свои убеждения).

– Что за «христианский святой»? – Наморщил нос Андрей. – Ты так говоришь, словно в Бога веришь.

– Я не верю, – пожала плечами Аня, – *я знаю*.

– Что значит «знаю», ты что, его видела? – С убийственной иронией посмотрел на нее Андрей.

– Его нельзя видеть, – не отреагировала на иронию Аня, – но можно видеть его силы и проявления. К сожалению, и это способны чувствовать немногие. Кстати, тот факт, что большинство верующих «не видят», но верят, заслуживает большого уважения. Когда «видишь», верить слишком просто.

– И все же ты прямо не ответила!

– А, по-моему, ответила. Бог – это не дедушка с бородой, который сидит на туче, его нельзя описать словами. И все же в его существовании однажды убеждаешься, когда-то это произойдет и у тебя.

Уверенность, с какой Аня все это произносила, и главное, гипноз ее личности действовали на Андрея неотразимо, и все его заготовленные язвительные цитаты из диалектического материализма по поводу «опиума для народа», которые он почерпнул из БСЭ, показались ему совершенно неуместными, и так и не были произнесены. «А может, и вправду что-то такое есть»? – Впервые мелькнула в его голове шальная мысль. – «Если духи есть и груша разговаривает, почему бы Богу ни быть? Господи, что происходит, за один день весь мир перевернулся!»

Ребята шли по узенькой тропинке через поле, поросшее густым клевером, и Андрею казалось, что его сознание растворяется в необозримом летнем просторе. Почему-то захоте-

лось глядеть на небо, которое на этой открытой местности словно сделалось ниже, хотя обычно в городе смотреть на то же самое небо, у него никогда не возникало желания.

– Какие красивые облака, – решил поделиться он с Аней своим настроением, – почему-то в городе никогда в небо смотреть не хочется, и не замечаешь, какими удивительными могут быть самые обычные вещи. А здесь я часто смотрю на облака, очень интересно наблюдать, какие они причудливые формы принимают. То на драконов похожи, то на слонов, то, словно чьи-то лица. Нам на природоведении говорили, что такие облака называются кучевыми. Иногда так хочется посидеть на таком облаке, свесив вниз ноги, и посмотреть на землю с высоты.... Ты на самолете летала?

– Нет, – покачала головой Аня, – на самолете не летала, летала по-другому.

– Как это «по-другому»? – Снова не понял Андрей.

– Я много раз летала в астральном теле, – сказала Аня, – а также один раз на динозавре, но это был страшный полет, после него со мной случилась беда. Я не люблю об этом вспоминать, я потом тебе расскажу.

– Кстати, – Андрей уцепился за услышанное ранее слово, пропустив мимо ушей явно бредовую фразу насчет полета на динозавре, – та груша в саду тоже мне говорила что-то про астральное тело. Что это такое?

– Это тонкоматериальное тело человека, состоящее из энергии-материи его чувств. Это как человек в человеке, и может существовать, мыслить и чувствовать отдельно от физического тела. – Аня коснулась плеча Андрея. – Кстати, ты сам каждую ночь выходишь в состояние астрального тела во сне. Правда во сне его существование неполноценное, а разум находится в замутненном состоянии. Другое дело – астральный выход – тут разум бодрствует, хотя тело спит, и может путешествовать в астральных пространствах, а также, хоть это и гораздо сложнее – в нашем, физическом пространстве. Вот тут можно и полетать над домами и посидеть на реальном облаке.... Я это проделывала не раз.

– Ну, дела, – хмыкнул Андрей, – выходит, внутри меня еще кто-то сидит! Что-то не замечал.

– Твое тело, – снова коснулась Аня плеча Андрея, – вовсе не ты, это оболочка, одежда, и даже астральное тело – еще не ты. Ты – гораздо глубже, ты – это душа. В действительности у человека несколько тел-оболочек разной плотности, и каждая оболочка соответствует материи определенного мира, и в этой оболочке душа может посещать разные миры разной плотности и разных энергий. К тому же, каждая оболочка соответствует определенному свойству или инструменту внутри человека. Эфирное – жизненной силе, астральное – нашим чувствам, ментальное – нашему рациональному разуму, буддическое – абстрактному разуму и мудрости, нирваническое – космическому блаженству или Любви.... Есть и другие, но я забыла, как они называются. И как последняя цельная матрешка внутри остальных полых, внутри всех этих оболочек находится душа, или Божественная искра – она нераздельна с Богом. Это трудно осознать, это надо почувствовать, испытать.... Не знаю, насколько понятно я это излагаю.

– Ты знаешь, что-то я ухватил, – напряженно сказал Андрей, пытаясь представить себе все то, о чем говорила Аня. – Особенно с матрешками ты удачный пример привела. Я-то представлял наш организм просто как сумму живых клеток, хромосом там всяких, а наши мысли и чувства – как всякие химические процессы в мозгу. Но меня все это как-то не удовлетворяло: ну, не мог я себя убедить, что мои мысли – это просто какие-то химические реакции, или электричество там по нервам движется. И еще, никак не мог представить, что когда-то я умру, и ничего никогда уже не будет – ну не укладывалось это в голове.

– А ты и не умрешь никогда, – улыбнулась Аня, – просто душа скинет износившиеся одежды, а затем оденет новые, и ты снова родишься.

– Вот это мне нравится, – обрадовался Андрей, – я всегда это чувствовал, но не мог сформулировать. Мне всегда казалось невозможным, нелогичным увидеть свет всего один раз

совсем на короткий промежуток, в то время, когда вселенная существует миллиарды лет – никто толком не знает, сколько. Мне кажется, что свет для меня должен вспыхивать снова и снова, уже и после смерти, но в облике других людей, и отделаться от этого ощущения я никак не мог, хоть и пытался себя убедить, что это ненаучно, а следовательно, невозможно. Но представить себе конец нельзя, как нельзя представить себе конец вселенной: а за концом-то что? Невозможно, чтобы ничего не было.

– Вот видишь, – сказала Аня, – эта убежденность – голос твоей души, которая все знает, но наш разум способен ухватить только малую частицу этих знаний. Тем не менее, научиться слышать голос нашей души вполне возможно, и я пытаюсь дать тебе первые уроки этой всеобъемлющей науки. ... Ну что, летаем? – Спросила она неожиданно, внимательно глядя в лицо Андрея.

– То есть, как это? Ты что, с ума сошла? – Вытаращил глаза Андрей.

– Ты же сам сказал, что не раз мечтал посидеть на краю тучи? Кстати, так заманчиво тучи выглядят только с земли, или сверху, когда на самолете летишь. Я правда на самолете не летала, но все равно эту снежную бескрайнюю равнину видела. Зато, когда облако вблизи, это просто густой туман, и посидеть на краю невозможно – там никакого края нет вовсе. И вообще, чем выше – тем неинтересней, мне больше нравится над самыми верхушками леса летать, или над лугом – над цветами. Можно в шмеля превратиться или в бабочку, тогда это выглядит интересней, с человеческим восприятием лучше над деревьями, над лесом летать.

– Погоди, погоди, что ты такое говоришь, ты серьезно?! – Не мог поверить Андрей.

– Не бойся, – улыбнулась Аня, – твое тело здесь останется. Это не значит, что в физическом теле летать невозможно – вполне возможно, но ты к этому пока совершенно не готов, может в настоящем воплощении и не получится. Я правда тоже в физическом теле только на динозавре летала, но оно в это время пребывало в особом, плазменном состоянии. Думаю, со временем, мне удастся полететь самостоятельно и без предварительной трансформации – Варфуша сказал, что у меня должно получиться. Пока, правда, серьезно я этим не занималась, у меня ведь был двухлетний перерыв. Та Аня, с которой ты разговариваешь, появилась только вчера, а моя другая половина, которая управляла моим телом последние два года была совершенно тупая, и ничего не умела. Мы с ней связь, в основном, во сне поддерживали, но, просыпаясь, она почти ничего не помнила: все маялась, что нечто важное забыла, но, кроме смутных ощущений, ничего вспомнить не могла.

– Ты о себе говоришь, как о ком-то постороннем, – покачал головой Андрей, – до сих пор не могу все это в голове уложить. – (Какое-то смутное понимание происходящего, тем не менее, в голове его уже брезжило, и он с удивлением наблюдал, как поразительно быстро меняется его мировосприятие и мироощущение. Ему казалось, что в его голову кто-то словно бы вкладывает новые знания и представления, и происходит это независимо от того, что воспринимает его рациональный разум из разговоров с этой удивительной девочкой).

– Да она и была посторонней, – как-то даже неприязненно сказала Аня, – ничего не понимала, тупица! Правда я сама виновата, пожалела ящерицу. ... А это совсем не ящерица оказалась! Ладно, я тебе об этом расскажу, но немного позже. Так ты мне не ответил, ты хочешь полетать или нет? Пока, правда, только в астральном теле. Ты ведь уже беседовал с грушей! И, оказалось, ничего страшного.

– Ну, давай, – решил Андрей (его, правда, немного поколачивало, но он заметил, про присутствие Ани вообще вызывает в нем легкую внутреннюю дрожь и ощущение какой-то непривычной оголенности – ему приходило на ум нелепое сравнение, что с него, как с провода под напряжением, снимают изоляцию), – что мне надо делать?

– Для начала надо будет лечь на спину, – Аня осмотрелась вокруг, подыскивая место поудобней. (Ребята только что миновали дорогу, пересекавшую ту, по которой они шли, и как

раз рядом с перекрестком Ане показалось наиболее удобное место, свободное от крапивы и колючего репейника), – вот здесь.

– А ты?

– А мне надо будет лечь рядом и держать тебя за руку. Для начала закрой глаза, – начала объяснять девочка после того, как они легли на спину в мягкий душистый клевер. Хотя, может, тебе для начала и не надо закрывать глаза, гляди на небо, на облачка, и постарайся раствориться в этом чистом необозримом пространстве. Постарайся стать этим пространством, нет ни мыслей, ни тела, есть только это бездонное небо. На меня внимания не обращай.

Андрей постарался сделать все, что сказала ему Аня, и на удивление быстро он действительно почувствовал, что растворяется в этом бесконечном голубом безмолвии. Скорее всего столь быстрые успехи были сделаны с неведомой помощью Ани, поскольку в настоящей своей жизни Андрей никогда медитациями не занимался, и даже не знал этого слова. Он почувствовал, что начинает впадать в дремотное состояние (впрочем не утрачивая контроля над этим состоянием), на его мысленном экране (Андрей сам не заметил, как закрылись его глаза), замелькали всякие незнакомые пейзажи, здания, лица, затем возникло ощущение внутреннего звенящего маятника, словно нечто в нем начало раскачиваться все с большей и большей амплитудой. Андрею казалось, что еще момент, и он выльется из себя самого вместе с невидимым маятником (ощущения были не очень приятные, подобные тем, какие Андрей испытывал, летая на самолете при провале в воздушную яму). И вдруг в тот самый момент, когда раскаченный астрал Андрея должен был покинуть брэнное тело, что-то произошло: Аня вдруг вскочила на ноги и совсем по девчачьи взвизгнула:

– Ой, кто здесь?!

Андрей в мгновение выпал из своего оцепенения и сел, ошалело оглядываясь. Аня тоже сидела, подогнув под себя ноги и внимательно смотрела на группу больших ярко-бордовых цветков клевера, на одном из которых сидел громадный черный шмель, но не копошился, как положено, в венчике в поисках нектара, а, казалось, тоже внимательно смотрел на ребят.

– Что там? – Испуганно спросил Андрей, – Ты чего кричала?

– Вон там... – Аня показала глазами на шмеля.

– А, так ты шмелей боишься! – Рассмеялся Андрей, – так, напрасно, они не агрессивны, и если их не трогать, то никогда не кусаются. Другое дело – шершни – вот с ними надо быть осторожным.

– Он меня только что током слегка ударил.

– Как это, ударил? Ты хотела сказать «ужалил»?

– Нет, именно ударил. Я когда глаза открыла он уже там сидел... Погоди, да это же...

В этот момент произошло третье чудо в жизни Андрея после призраков и говорящей груши. Ему показалось, что шмель распух, затем лопнул, и на его месте оказался маленький человечек размером со среднюю куклу в каком-то старославянском льняном одеянии с растрепанными густыми волосами, и полудетским личиком, лишенным всяких признаков бороды и усов.

– Варфуша! – Взвизгнула Аня, бросившись к человечку, и упав перед ним на колени. – Вернулся!

– Здравствуй, королевна, – пропищал человечек, – ты, я смотрю, даром времени не теряла, не успела восстановиться, и тут же за молодого человека принялась!

– Это мой друг и учитель, – сказала Аня, видя, что Андрей просто остолбенел от удивления, – я тебе про него говорила, он домовый и бриллиант – то есть, помощник. А это Андрей, – представила она мальчика человечку, – он очень способный.

– Да мы с ним знакомы, – внимательно посмотрел на Андрея человечек, – правда он навряд ли об этом помнит. Мы с ним встречались в параллельном времени, где он гораздо

старше и опытнее, и не без моей помощи он восстановил твою знающую часть в теле. Ну вот, теперь все в сборе.

– Погодите, погодите, – наконец подал голос Андрей, – я вас впервые вижу. Когда это мы с вами встречались?

– Я же сказал, что ты этого не помнишь! Мы встречались в параллельном времени и мире, – но тот двойник, которого ты видел вчера вечером, возможно меня неплохо знает. К сожалению, твое восприятие пока закрыто для осознания альтернативного существования в параллельном времени, но когда оно раскроется, ты все вспомнишь. Я смотрю, Аня уже вовсю принялась за раскрытие твоих духовных центров.... Не переусердствуй, королевна, это не безопасно.

– А чего опасного? – С некоторым неудовольствием отозвалась девочка. Я пытаюсь научить его тому, чему он меня в свое время обучал, мы же с ним диада, – ты сам говорил – значит именно мои уроки будут для него максимально эффективными. К тому же у нас совсем мало времени, через две недели он уезжает, и за этот срок я должна пробудить его душу и память. Когда мне удастся его увидеть? Он в Ленинграде живет, а по переписке – сам понимаешь, нельзя ничему толком обучить.

– И все равно, ты явно торопишься, невозможно все это сделать в один день. То есть, центры насильно раскрыть можно, но это будет насилием над его природой, и может иметь весьма печальные последствия. Я-то тебя два года обучал, да и то, в какую неприятную историю ты вляпалась! Учти, это тоже признак недоработки, и того, что мы за два года не все сумели предусмотреть, и как следует не позаботились о защите. А ты его уже в астрал выводить собралась! Хорошо, что это произошло на перекрестке двух дорог в поле, и церковь недалеко. Именно поэтому я почувствовал знакомую энергию, и появился здесь, слегка вам помешав. Кстати, мы уже не сможем общаться так запросто, как два года назад, теперь у меня несколько другая задача....

– Но я чувствую, что должна была взять его в обучение, – не согласилась с Варфушей Аня. – Он видел двойников, он вернул, сам того не понимая, мне память. Как знать, может то, что я так основательно за него взялась – залог того, что в параллельном времени он стал готов к освобождению моей знающей половинки. А значит, поскольку это вчера произошло, его обучение, хоть оно только началось, можно считать свершившимся фактом. И вообще, – она посмотрела на Варфушу даже с какой-то обидой, – мне кажется, ты всегда излишне осторожничал и смог бы научить меня гораздо большему.

– Ну, что же, – развел руками человечек, – право выбора остается за тобой, теперь я уже не могу тебе что-то категорически запрещать. Ты ведь уже не ученик, ты – молодой мастер, и под личиной маленькой девочки скрывается взрослая душа потомка Меровингов. И все же, мой тебе совет, не торопись, обдумай каждый шаг, особенно, когда берешь на себя ответственность за чью-то судьбу. С выводом Андрея в астрал, да еще в ближайшее к Энрофу отражение, ты явно поторопилась.

– Ладно, сказала Аня, как показалось Андрею несколько нетерпеливо, – впредь буду осторожнее, тем более, ведь теперь я могу и с тобой консультироваться.

– Увы, – с сожалением сказал Варфуша, – так общаться, как раньше, мы больше не сможем. Только в местах силы, каковым является и это место, и только тогда, когда я не буду занят, с какой-нибудь миссией от Навны.

– Так ты вернулся в свиту Навны? Расскажи, что ты делал эти два года, пока я была лишена Главной памяти.

Варфуша посмотрел на нее с загадочной улыбкой.

– В действительности в реальном времени прошло двадцать лет, – сказал он таинственно, – но в этом потоке только два года. Твоя знающая половинка вполне могла это почувствовать. Про Андрея я не говорю, ему еще рано.

– Погодите, погодите! – Подал голос Андрей. – Как это может быть: два года и одновременно двадцать лет.

– Все дело в том, – внимательно посмотрел на него Варфуша, – что в том времени, откуда пришли сюда твой и Анин двойники, сейчас 1985 год, хотя отправился ее освободить твой двойник в 1975м. Энергия для ее освобождения была взята из трансформации 10 лет личного времени Андрея Данилова в необходимую энергию.

Андрей, ничего не поняв, хотел что-то спросить, но почувствовал, что у него резко закружилась голова, и он потерял сознание, провалившись в зияющее Ничто.

ГЛАВА 3. Неожиданное предложение

Андрей пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу рядом с зеркалом.

«Где это я»? – Мелькнула в его голове недоуменная мысль. – «Я же только что в поле был, и у меня голова закружилась»....

Он огляделся вокруг, и вдруг все вспомнил: как выписался из больницы после 10 летней летаргии, как пришел домой, как увидел в зеркале 10 летнего мальчика, и как словно бы куда-то провалился. Тут только до него стало доходить, что он – взрослый человек, а вовсе не мальчик, и что на дворе 85й год. Все события, которые он пережил в Трускавце только что, но которые в действительности должны были происходить двадцать лет назад, стояли перед его глазами, как живые, и не верилось, что это были какие-то видения, или астральный выход. Словно бы он только что участвовал в реальных событиях, на реальной Земле, и в мгновение переместился в другое место и другое время. Ничего подобного до сей поры в его жизни он не мог припомнить, все его бывшие экскурсии в прошлое происходили по-другому. Раньше он неоднократно был невидимым свидетелем событий и разговоров в прошлом, а сейчас стал их полноценным участником в образе самого себя двадцатилетней давности, и, что характерно, в этот отрезок времени совершенно не помнил своей взрослой жизни, словно бы и не переносился из 85 года в далекий 65й, да еще к тому же, в события, которые совершенно не помнил: весь свой трускавецкий период с момента, когда к калитке подъехало такси, оказался полностью стерт из его сознания, и сейчас он словно бы пережил их заново. А ведь мама сказала ему, что с Аней он так и не познакомился, и, следовательно, всего того, что он только что видел, произойти не могло – однако же происходило! И это были не видения, не воспоминания, все что он только что пережил, вспоминалось, как совсем недавняя реальность.

«Да, – подумал Андрей, садясь на кровать, преодолевая навалившуюся на него сонливость, – получается, я угодил в параллельное время, где живет такой же Андрей Данилов, не подозревая, что у него имеется двойник, и переживает другие события, другую судьбу, хотя многие вещи и совпадают: был и Трускавец, была и Аня Ромашова, но события в моей жизни, если верить маме, развивались несколько по-иному. Хотя, что такое „реальная жизнь“? Может быть то, что я только что пережил, и есть реальная жизнь, а эта», – он с неприязнью оглядел свою квартиру, – «только дурной сон, где я после десятилетней летаргии сижу у разбитого корыта, и не знаю, что делать дальше. Учиться? Работать? Заниматься целительством? Вдруг, как гром среди ясного неба, выясняется, что тебе тридцать лет, а ты ничего в этой жизни не достиг: ни институт не закончил, ни карьеру не сделал, ни семьей, детьми не обзавелся. Все друзья неизвестно где и неизвестно чем занимаются, и по-видимому, считают тебя давно умершим. Жена погибла, любовница пропала в неизвестном направлении. Осталась только мать, только она и связывает меня как-то с прошлым, хотя, чего греха таить, пару лет перед летаргией я почти с ней не общался».

Ему почему-то припомнились его наполеоновские планы после того, как он чудесным способом изготовил Сому, и нашел возможность совершать удивительные вещи. Как он уедет в Америку добиваться мировой известности в качестве то ли новоявленного Гари Гудини, то ли Гриновского летающего Друда, как будет покупать особняки на Майями, и ему сделалось совсем тоскливо: вот тебе и супермен!

«К тому же, – подумал Андрей, – может в этом существовании и не существовало никакой Сомы, никаких подвигов и полетов, ведь, получается, из этой реальности выпал как раз тот отрезок времени, когда все это происходило – и значит я помню события какого-то параллельного бытия, альтернативной судьбы. Выходит в настоящей реальности и суперменства никакого не было! Вон как ярко я только что пережил один день из жизни мальчика, как будто это все со мной происходило! Выходит, что в данной реальности, судя по тому, что мать говорила,

так же ничего не было! Возможно, и вся моя жизнь – только дурной сон, тем более треть пережитых лет я просто бездарно проспал!»!

Андрей лег в кровать и погрузился в черную меланхолию. Ему показалось, что вся его дальнейшая жизнь совершенно бесперспективна.

«Лучше бы и не просыпался вовсе, – тоскливо думал он, ворочаясь в постели. – Кому я теперь нужен?! Динозавр, явившийся из эпохи застоя, недоучка и, возможно, психически больной урод, который теперь сам не знает, что в его жизни было, а чего не было. Интересно, – вдруг мелькнула мысль, – а сколько времени прошло здесь, пока я в прошлом путешествовал?»

Он зажег свет и глянул на часы: оказалось, что если вычесть те примерные полчаса, которые прошли после этого странного обморока, то лежал он без сознания какие-то минуты, а может и того меньше, ведь точно за временем не следил.

«Удивительно, – подумал Андрей, почему-то в миг забыв о своих суицидальных мыслях, – а ведь я в том времени почти сутки пробыл, и даже спал и сны видел, а здесь времени всего ничего прошло. А может я и дальше смогу путешествовать в другое время, в другую судьбу, которая, судя по всему, должна быть гораздо интереснее, чем моя нынешняя. Может, со временем, и вообще удастся туда переместиться, и прожить жизнь заново? А тогда, зачем вены вскрывать? В конце концов, еще не все потеряно, еще не вечер»!

На этой оптимистической ноте он не заметил сам, как уснул – впервые без снотворного с того момента, как очнулся после летаргии.

На следующий день Андрей, вооружившись справкой из больницы, отправился в институт. Особой надежды, что его восстановят после десятилетнего перерыва, он не лелеял, но просто надо было с чего-то начинать новую жизнь, поскольку ощущался (возможно тут сказались годы пассивного состояния сознания) непонятный страх перед будущим, и держалась гнетущая растерянность: что делать дальше и чем заниматься? Какой-то уверенности, что он хочет вернуться в институт и получить диплом врача, у него не было. Возможно, тут также повлияла летаргия, но он совершенно утратил интерес к медицине, а возвращаться в биоэнергетическое целительство боялся как огня, и сам не мог объяснить причину страха. Очевидно, организм сам подсказывал ему, что после летаргии подобный род занятий может закончиться для него плачевно, и требуется время для восстановления.

Итак, безо всякого энтузиазма Андрей съездил в институт, где проучился не полные два года. В деканате, куда он зашел первым делом, сидели уже совсем другие лица, никто его, естественно, не знал, декан поохал, поахал над его диковинной справкой, и даже нашел, непонятно зачем, его личное дело в архиве, но сказал, что ни о каком восстановлении не может быть и речи, конечно, случай из ряда вон, но у них несколько изменилась программа, и они с радостью ждут его на следующий год в качестве абитуриента на общих основаниях, а в этом году вступительные экзамены уже в разгаре, и подавать документы поздно. А пока ему рекомендовали год отдохнуть, восстановить силы после столь необычного заболевания, а заодно и подумать, нужна ли ему медицина вообще, выдержит ли его нервная система нагрузку в институте с учетом того несчастья, которое с ним произошло. Короче говоря, Андрей возвратился из института несолоно хлебавши, однако испытал даже что-то вроде облегчения. Мысленно он уже простился с медициной, и если бы его восстановили, то возможность легкого пути явилась бы соблазном, от которого он, возможно, не смог отказаться, а потом всячески корил бы себя за это.

Итак, армия Андрею теперь не грозила: после перенесенного заболевания (а было ли это заболеванием?) ему выдали справки для получения в военкомате белого билета и обещали, что проблем с этим не возникнет. Окончательное решение по поводу поступления в институт (и возможно совершенно другого профиля) Андрей решил отложить на следующий год, с другой стороны, жить иждивенцем на шее матери было стыдно, а за прежние занятия биоэнер-

гетическим целительством, в свое время приносившим живые деньги, он почему-то боялся браться. И вообще, он совершенно потерял ориентиры в социальной жизни, и не знал, с чего начинать, и куда податься.

И все же, с чего-то надо было начинать, и Андрей решил обзвонить своих бывших друзей из группы непортального пути. К его удивлению, первый же звонок оказался удачным, и после нескольких гудков, в трубке раздался почти не изменившийся голос Вадика Крюкова, с которым у Андрея из всех бывших непортальщиков в свое время завязались самые дружеские отношения.

– Вадим? – Полувопросительно сказал Андрей, услышав знакомый голос.

– Да, а кто это?

– А ты не узнаешь?

– Простите, не узнаю....

– А имя Андрей Данилов тебе ничего не говорит?

– Андрюха?! – На какое-то время в трубке воцарилось молчание, очевидно Вадик переваривал неожиданную информацию. – Так ты жив?! А я слышал.... – Он снова запнулся, не зная, очевидно, как закончить фразу.

– Звонок с того света! – Сострил Андрей. – Нет, слухи о моей смерти оказались несколько преувеличенными. Кстати, а с чего ты взял, что я умер?

– Ну, во-первых, ты пропал на столько лет, во вторых, в наших кругах всякие слухи пошли, что тебя без сознания где-то в Подмоскowie обнаружили – никто толком ничего не знал, ты так и не объявился, и о твоём существовании тихонечко забыли. Я много раз звонил тебе, но трубку никто не брал, пробовал и заходить, но квартира каждый раз была пуста, и я решил, что тебя действительно нет в живых. Так, куда ты подевался? Почему никакой весточки не посылал?

– Между прочим, слухи оказались недалеко от истины, – сказал Андрей, – я действительно десять лет был чем-то вроде мертвеца.

– Как это «вроде мертвеца»? – Не понял Крюков.

– А так, спал летаргическим сном.

– Да, ты что? С чего это вдруг?! – Не поверил Вадик.

– Ты что, о летаргии не слышал?

– Да нет, слышал, конечно, но это же так редко случается! И потом – десять лет! Неужели такое бывает?

– Я тоже, пока не заснул, думал, что не бывает, а выяснилось, – бывает.

– Ладно, – сказал Вадик, – по телефону говорить о таких вещах как-то даже стремно. Давай встретимся. Ты сейчас свободен?

– Не только свободен, но на ближайшие годы даже понятия не имею, чем заниматься. Давай я к тебе приеду, мне кажется, нам лучше у тебя встретиться, а то я после летаргии, кроме больницы и своей квартиры, ничего толком не видел, а дух жаждет новых впечатлений. Может, за десять лет у людей какие-то другие квартиры стали.

– Да, нет, – усмехнулся Крюков, – такие же. Ну, разве что электроника слегка подновилась: цветные телевизоры, видики, кассетники.... Ты дорогу-то найдешь?

– Найду, память вроде бы полностью восстановилась.

– Ну, давай, жду. Да, кстати, тебе алкоголь-то потреблять можно? По такому поводу грех не выпить!

– А ты поддаешь разве? – Удивился Андрей. – Ты же, когда мы еще к Балашову ходили, только мухоморы для раскрытия третьего глаза пил!

– А сейчас бывает, – ответил Крюков, – не злоупотребляю, но бывает. Это мы по молодости считали, что мясо и алкоголь духовной практике мешают, а позже я убедился, что нисколько не мешают, если, конечно, это дело контролировать.

– Ну, жди, – сказал Андрей. – Ты, кстати, в магазин не бегай, я сам по пути прихвачу, с меня причитается.

Андрей повесил трубку и начал собираться. Голос Крюкова словно бы вернул его к жизни, снова впереди замаячил какой-то свет, хотя, почему, собственно, было не понятно. И тем не менее появился зыбкий мостик через зияющую пропасть между прошлым и настоящим, Андрей словно бы нащупал какую-то точку опоры, а до этого болтался в пустоте без всяких ориентиров. Первым таким мостиком была мама, появление которой вернуло Андрею память, но затем этот мостик стал, по-видимому, для него слишком узким.

Вадик жил на Ленинградском проспекте, недалеко от Белорусского вокзала. Андрей забежал по пути в винный магазин, в надежде увидеть, что ассортимент напитков заметно изменился. Увы, ни ассортимент, ни внутреннее убранство, ни наличие очередей не претерпели заметных изменений за эти годы, только заметно выросли цены, а легендарные сорта водки по 3—62 и 4—12 и вовсе исчезли с прилавков. Подумав, что для такого важного события негоже жмотничать, Андрей разорился на бутылку марочного коньяка Тбилиси почти за тридцать рублей, благо мама снабдила деньгами, хотя в его время покупать пусть даже хороший коньяк за такие деньги казалось безумием.

Андрей присматривался к людям: конечно, десять лет не такой уж большой срок для того, чтобы произошли какие-то разительные перемены в облике города, но мода, пожалуй, заметно изменилась. Ушли клеши, и на смену им явились какие-то мешковатые штаны или джинсы аналогичного покроя. Позже Андрей узнал, что такие штаны назывались «бананами». Заметно уменьшилось количество длинноволосых парней, зато иностранных шмоток стало гораздо больше, и джинсы, в его годы бывшие экзотикой, теперь носили повсеместно, словно от них ломились прилавки в магазинах. Изменилась и обувь: на смену платформам пришли кроссовки, которые в семидесятые годы считались большой редкостью.

«Надо будет подстричься и прикид сменить», – подумал Андрей, недовольно ощупывая свою хиповую шевелюру, – «а то я как-то в нынешний стандарт не вписываюсь».

Вадик, как и в те далекие годы, жил один в однокомнатной квартире, и после дружеских объятий и радостных возгласов: «Ну, ты все тот же; да ты совсем не изменился!» Старые приятели уселись за стол на кухне, и разлили благородную ароматную жидкость по пузатым коньячным бокалам.

– Ну, – поднял свой бокал Крюков, – за возвращение с того света! Честно говорю, безумно рад тебя видеть. Я когда твой голос услышал, подумал: «Мистика, наверняка у меня крыша поехала!» Давай, рассказывай, что люди в летаргическом сне ощущают, ведь не бесчувственным же бревном лежал ты все эти годы, наверняка были какие-то переживания, или сны особенные. И вообще, как тебя угораздило, не на пустом же месте, наверняка это к твоим занятиям йогой какое-то отношение имеет.

– Давай сначала о тебе, – сказал Андрей, отхлебывая ароматный коньяк. Он решил рассказать Вадике обо всех странных подробностях своей жизни, предшествовавшей летаргии, и о своем еще более странном путешествии в детство – носить этот груз уже не было сил, а Крюков, будучи увлеченным эзотериком не запишет в сумасшедшие. – Знаешь, мой рассказ будет долгим и странным, а мне не терпится узнать, как ты, как ребята, как Балашов?

– Ну, что тебе сказать, – грустно ответил Вадик, ставя рюмку на стол и задумчиво взяв дольку лимона. – Как-то странно все это рассказывать, ведь все это происходило так давно, все уже быльем поросло. Начну с Бориса Александровича. Увы, его уже девять лет, как нет в живых. Через год его из дурдома выпустили, после того, как он там тяжелейший инфаркт перенес: какой-то гадостью его закололи, сволочи! Думаю, ему и инфаркт специально сделали, наверняка в арсенале КГБ такие препараты разработаны. Я его после выписки навещал – он физически совсем плох был, но разум сохранил ясный. Вообще, он мне каким-то удивительно просветленным запомнился. В нем ведь до дурдома все же хватало светскости: и с известностью

своей он, как с писаной торбой носился, и звание «гуру» ему очень нравилось, да и экзальтированностью женской пользовался – чего греха таить – любил молоденьких старик. Ты ведь, наверное, в курсе: и Тamarочка Фирина, и Любочка Царенкова не раз в его постели побывали «для инициации». А тут, – Вадик задумался, – не знаю даже, как это словами передать. Вроде бы он ничего особенного не делал и ничего такого не говорил, рассказывал только как он этот год в психушке провел, и каких там интересных людей встретил. Но держалось впечатление, словно все внешнее, все наносное с него как ветром сдуло, и остался только самосветящийся дух. Мне все время казалось, что он – шар света, хотя физически он совсем плох был – ходил только по квартире, на улицу выбирался только на лавочке посидеть, и умер от повторного инфаркта ровно через месяц после того, как его из дурдома выпустили. Кстати, что жить ему осталось последние дни, он прекрасно знал, и когда мы прощались в последний раз, он так мне и сказал: «Видимся в последний раз», и перекрестил меня напоследок, чего раньше никогда не делал: он ведь к христианству достаточно сдержанно относился.

Так вот, веяло от него вселенским покоем и полной умиротворенностью, словно он самый счастливый и самодостаточный человек на земле. Ни о каких высоких сферах не рассказывал, никаких чудес не демонстрировал, но когда я с ним сидел и просто чай пил, держалось ощущение, что я беседую с Буддой. Наверное, я в этот момент что-то вроде Нирваны испытывал, просто от его присутствия, от того, как он смотрит, как чашку берет: все его действия наполнялись каким-то сакральным смыслом, хоть и не было в них ничего особенного. Как это Дзен буддисты бы сказали – он стал совсем пустым, и за этой пустотой стояла вселенная. Он так, ненароком сказал, что в дурдоме в Шунью вошел, но ничего не объяснял, не рассказывал, просто я чувствовал, что это так и есть. К сожалению, удержать это состояние мне так и не удалось и после его смерти все это прошло. Правда, когда его кремировали, со мной видение случилось – наверное самое сильное жизни – ты же знаешь, с эдейтизмом у меня всегда плохо было. А тут, когда я в крематории стоял, пока над ним всякие парадные речи произносились, над нами словно бы купол раскрылся, и прямо из воздуха соткались три фигуры в белоснежных одеждах. Одно сверху – я так понял, что это был Иисус Христос, – а две немного ниже – Борис Александрович и старик – по-видимому его гуру – с вишнуйским знаком в межбровье и с венком цветов на шее – почти до колен, как у Кришны. Я от этой картины, наверное, на минуту дар речи потерял – и как раз через минуту они исчезли, а по крематорию словно бы аромат от индийских благовоний разлился. Я потом спрашивал – его все почувствовали, даже тетка-администратор растерянно начала носом шмыгать – но зримых образов ни у кого, кроме меня, не возникало.

Да, чуть не забыл: он в последнюю встречу сказал, что благодарен КГБистам за то, что они упекли его в дурдом и устроили – возможно и не специально – инфаркт. Он сказал, что этим он полностью развязал карму нашего совместного праведного убийства, что в дурдоме он заново переосмыслил свою жизнь, искренне раскаялся в ошибках, и теперь полностью свободен от земного мира, поэтому его смерть не имеет значения. Жалко только родственников: они-то этого не знают и будут переживать.

– Про меня он не вспоминал? – Несколько ревниво спросил Андрей.

– Не помню, – смутился Крюков, – может и вспоминал, но не помню. Сказал только, что в трудную минуту он ко всем нам, непортальщикам, будет приходить на помощь. Я не придавал тогда этим словам особого значения, я не думал, что он так быстро умрет, а теперь понимаю, что он имел в виду свою посмертную нам помощь. Кстати, по поводу нашей группы он сказал, что сделал много ошибок, и теперь обучал бы нас совсем по-другому. Ну, ладно, давай – за память о нем: светло жил человек и еще светлее умер!

Друзья выпили, не чокаясь, до дна и на какое-то время замолчали.

– А как у остальных наших судьба сложилась? – Спросил Андрей, прожевав лимон. – Удалось вам снова группу сколотить, или каждый сам по себе.

– Знаешь, – грустно ответил Крюков, – после всей этой истории с КГБ между нами как черная кошка пробежала. Не то, чтобы я очень боялся КГБ, хотя за других не ручаюсь, но как-то встречаться и, тем более, вести совместную энергетическую работу, ни у кого желания не возникало. Было такое ощущение, что Борис Саныч за всех нас расплатился – за это энергетическое убийство, будь оно неладно – и почему-то всем стало стыдно в глаза друг другу смотреть. В общем я связь с ребятами потерял, хотя первое время созванивались, даже иногда о встрече договаривались – но все какие-то непредвиденные обстоятельства мешали. Наверное, никто, по большому счету, и не хотел остальных видеть. Короче, виделись последний раз на похоронах Борис Саныча, а потом и вовсе общение на нет сошло.

Чечик, насколько я знаю, все еще целительством занимается, Костя Майоров в какую-то закрытую лабораторию в Питере подался, евреи наши – Гриша Фейгин и Юра Хронопуло – в Израиль уехали, Тамара и Марина к кришнаитам ушли, Танечка и Любочка – в Белое братство.... Где они сейчас – не знаю.

– Ну, а ты сам?

– Я-то? Женился, развелся, теперь, как ты видишь, снова холостякую. В плане работы – нигде долго не задерживался. Из НИИ ушел, надоело делать вид, что наукой занимаюсь, серьезно увлекся ювелирной работой. Сейчас в одной артели камешки обрабатываю: серьги, кольца, кулончики делаю, амулеты всякие. Продукция идет нарасхват, так что материально не бедствую. А целительство биоэнергетическое забросил, у меня это лучше через камушки получается, они меня любят, слушаются. Ну, и каждый год в летне-осенние сезоны в экспедиции за камнями езжу – предпочитаю их сам добывать. А в холодное время года – в артели, придаю камушкам товарный вид. Так что я свой диплом физика-теоретика похоронил, и в науку возвращаться на 150 рублей – не собираюсь. Если же говорить о духовной практике – то тут у меня тоже интересные искания происходят. В частности, несколько лет назад с одним шаманом-алтайцем познакомился, и теперь стараюсь почаще на Алтай за камушками ездить – в район Белокурихи, и к нему в гости заглядываю.

– Надо же, – усмехнулся Андрей, – не случайно, выходит, ты в бытность Балашова мухоморами баловался.

– А что, – серьезно посмотрел на Андрея Вадик, – меня, можно сказать, дух мухомора в шаманство и привел.

– То есть, как это привел?

– А так это, что шаман берется обучать не каждого, тем более – русского, это – вообще нонсенс. Но, когда меня с ним познакомили, он сказал, что я духом мухомора отмечен....

– И чему он тебя обучает?

– Да, так, детали я не могу непосвященному раскрывать, в общих чертах – камланию, общению с духами природы, путешествиям в верхние и нижние миры....

– Ну, – сказал Андрей, допивая последнюю рюмку коньяка, – все это и многое другое, мы у Балашова проходили, только он пользовался более современной терминологией.

– Все это верно, – Крюков тоже прикончил последнюю рюмку, – но с Балашовым у меня как-то хуже получалось. Может, у меня к стихиям природы особая расположенность, может, Горный Алтай – место особенное, ведь и Дон Хуан Кастанеду не в Вашингтоне обучал. А Силавун – так шамана зовут – смелее использует практику галлюциногенов, Балашов-то вообще только различными вариантами групповых медитаций пользовался.

– Ну и что же он такого особенного делает, чего мы у Балашова не видели? Разве что в бубен колотит, вокруг костра скачет и мухоморы тоннами жрет?

– Во-первых, – не обиделся за своего нового учителя Вадик, – Балашов был в чистом виде Раджа йог, и физическим телом совершенно не занимался. Ну, так он и помер поэтому в шестьдесят два года. Все это в истории уже проходили: раджа йоги и другие мистики, игнорирующие физическое тело и слишком грубые животные энергии, в основном умирали рано –

возьми того же Вивекананду, Рамакришну, Шанкара – в 32 года ушел – да и вообще, все они серьезно болели. Вот Силавун – совсем другое, если бы его в психушку поместили и начали транквилизаторами закалывать, он бы только посмеялся и попросил дозу в десяток раз увеличить. Хотя, может, в Москве он бы все это и не выдержал, он на прямую от местных духов зависит, а в тех краях все настоящие шаманы (там, естественно, как и везде, полно шарлатанов) – долгожители, хотя, в нашем понимании, чистой воды наркоманы. Кстати, водку Силавун на дух не переносит, хотя там все местное население – поголовно алкоголики. А он так и говорит: Алтайцу водка смерть! Алтайца водка не любит, она русского любит. Кстати, мне одному он водку пить разрешал, хотя всем остальным своим ученикам – запрещал категорически. Так, к чему я это... ах да, Силавун со своим телом такие вещи проделывает – подстать индийским факирам: и по раскаленным углям ходит, и по стеклу, и спицей язык протыкает, и мухомора может столько выпить, что десяток очокурится. Или, например, может сам себе рану нанести, и тут же на глазах ее затягивает. Да я уж всего и не припомню, сам то я далеко не все его возможности видел, он очень неохотно все это демонстрирует, но люди говорят, что он и в животных может превращаться, и невидимым становиться.

– Все это, конечно, здорово, – сказал Андрей, достаточно начитавшийся о подобных трюках, – может, если бы я своими глазами видел, я бы тоже в его почитатели подался, только какая людям польза от всего этого?

– Как ты понимаешь, внешние эффекты – не главное, главное, чтобы шаману верили, психологический момент также сбрасывать со счетов нельзя. Ну, а если говорить о конкретной пользе, так он и лечит успешно – и травками и камланием, может и погодой управлять: дождь, там, наслать, или наоборот, тучи разогнать. Потом, Бог знает по каким мирам он во время камлания путешествует...

– А ты с ним путешествовал?

– Пока только в самые ближайшие: он меня там оставлял на некоторое время, а потом обратно забирал.

– Ну, – сказал Андрей с некоторым скепсисом, он не особенно верил в существование какого-нибудь Дон Хуана среди советских шаманов, пусть даже и на далеком Алтае, – во всякие миры мы и с Балашовым летали, а лично я и без него немало попутешествовал. Если хочешь, могу тебе кое-что сегодня рассказать.

– Да я не спорю, – сказал Вадик, – просто Силавун совсем другой, и мистический опыт он другой предлагает. И потом, Балашов был от природы оторван, а тот наоборот – самое, что ни наесть дитя природы, и живет с ней в гармонии, и других в такой же гармонии жить обучает. Ладно, не буду тебя за шаманизм агитировать, но мне этот путь по-настоящему близок. Может поэтому я с детства камнями интересовался и во всякие экспедиции ездил.

– Да я не спорю, – сказал Андрей, – здорово, что ты до сих пор все это не забросил и нашел своего учителя. Ты-то даром время не терял и жил интересной жизнью. А я – как бревно, десять лет.

– Ну, Андрюха, – сказал Крюков, – ты тут, наверное, не прав. Никогда не знаешь, в чем именно нужно тебе духовное испытание заключается. Как бревно – тело твое лежало, а дух не мог как бревно лежать. Если ты даже и не помнишь чего, наверняка, душа твоя с пользой это время провела.

– Да, наверное, так. Просто у меня после летаргии утрата всех ценностей произошла. Какая-то растерянность: не знаю, куда идти, чем заниматься, что впереди светит. Раньше такого никогда не было, хотя в депрессию я нередко впадал – но всегда впереди маячок виделся. Ладно, расскажу, что со мной случилось после того, как Балашова в дурдом забрали, и мы общаться перестали.

И Андрей поведал Вадику долгую историю, описанную в третьей книге первого романа. Рассказ затянулся, и Крюков, дабы поддержать оживленность беседы, вытащил из бара бутылку

«Пшеничной», и Андрей, к своему удивлению не отказался от «продолжения банкета», хоть раньше никогда не пил в таких количествах. Алкоголь и задушевная беседа сняли напряжение с души нашего героя, и жизнь показалась ему вовсе еще не законченной в тридцать лет.

– Вот такая история, – заключил Андрей, чувствуя, что язык совсем заплетается. – Кстати, ты о Лиане ничего не слышал? Я ей звонил – очень уж мне хотелось парадокс выпадения событий разъяснить, но она куда-то съехала. Может какие слухи в наших сенситивных кругах ходили?

– Насколько я знаю, – сказал Вадик, – она куда-то в министерство, в большие начальники подалась, а целительство забросила. Правда, я с ней лично не знаком, это я так, краем уха слышал. Но, может, все и к лучшему, я бы к ней после подобной истории на пушечный выстрел не подошел..., ну, разве чтоб поквитаться...

– Да, Бог с ней, – сказал Андрей, – кого надо, Господь и так накажет. Может, и слава Богу, что не удалось с ней связаться. Не будем больше об этом.

– Да, – сказал Вадик после долгого молчания, – подобных историй от очевидца мне раньше слышать не приходилось. Выходит, из твоего прошлого для внешних наблюдателей выпал приличный кусок времени! Как этот Варфуша сказал? Энергия личного времени была преобразована в энергию, необходимую для возвращения этой девочке ее второй половинки? Ничего не слышал о таком! Кстати, а мы с тобой в этот период, по твоим воспоминаниям, не общались?

– Да, нет, не общались к сожалению. Я в тот период только с Лианой общался – собственно это я и хотел у нее выяснить. Но, как видно, не судьба. Ну как тебе моя история?

– Знаешь, Андрюха, – сказал Крюков заплетающимся голосом, – по пьянке это, наверное, не стоит обсуждать, давай лучше, на трезвую голову. Я, честно говоря, даже не знаю, что сказать, уж больно все фантастично.... Если бы я тебя не знал хорошо, решил, наверное, что твоя история, мягко говоря, придумана.... Кстати, ты чем на ближайшую перспективу заниматься собираешься?

– Понятия не имею, – развел руками Андрей, – я же тебе говорил, полная утрата ориентиров. По крайней мере в институте меня не восстановили, но, может, оно и к лучшему. Единственное, чем бы я с удовольствием занялся – это профессиональной литературной деятельностью. Но все мои вещи непечатные, я же читал тебе кое-что. Хотя... в больнице я познакомился с редактором одним, так он сказал, что многое теперь разрешено, и религиозно-мистические вещи вроде бы нынче печатают, и предлагал мне с моими стихами к нему в редакцию прийти. Но все равно, насколько я знаю, на поэтические гонорары, если ты не маститый и не член совписа, особенно не разгуляешься.

– Это точно, – сказал Крюков. – Слушай, а у меня к тебе предложение. Если ты все равно не знаешь, куда в ближайшее время податься – поехали с нами в экспедицию на Горный Алтай, за камешками. Ты, правда, не геолог, и в камнях не сечешь, поэтому могу тебя только разнорабочим зачислить. И будет тебе, чем заняться, и романтика, и заработаешь немного. Эти экспедиции наша артель каждый год организует. А теперь еще и от государства освободились, и заработками сами распоряжаемся. Это называется «кооперативное движение».

– А что, – заинтересовался Андрей, – я бы с удовольствием! Давно мечтал в какую-нибудь экспедицию завербоваться. А когда? На сколько?

– Да, буквально через три дня выезжаем – и до середины октября, когда там холода начинаются. Ты ведь очень удачно позвонил, я всего на неделю в Москву приехал: на Урале был – а сейчас, вот, на Алтай. Правда, команда недавно укомплектована, но с начальством я этот вопрос утрясу. Ну, что, по рукам?

– По рукам! – Сказал Андрей. Он чувствовал, что с плеч упал тяжеленный камень: вот и решена проблема, чем заниматься в ближайшее время, а там – будет день – будет пища.

Разговор продлился далеко за полночь, метро было уже давно закрыто, и Вадик предложил Андрею остаться у него. Это предложение Андрей принял с благодарностью, поскольку разговоры и воспоминания очень утомили его, и он сильно хотел спать – по-видимому, потребность в естественном сне начала восстанавливаться в его молодом, здоровом организме. Крюков постелил Андрею на раскладушке, и тот мгновенно отключился, и проспал до утра, как убитый, без всяких сновидений.

На следующий день было похмелье, разговаривать не хотелось, и Андрей, выпив чаю и отказавшись от завтрака, уехал домой, договорившись позвонить после разговора с матерью. Приличие требовало просить у нее разрешения на поездку: Андрей все еще продолжал ощущать себя двадцатилетним недорослем, и в нем жила потребность чисто формально спрашивать разрешение матери по тому или иному поводу.

Мама вяло попыталась его отговорить, ссылаясь на то, что он, наверное, еще слаб для такой серьезной поездки, но Андрей возразил, что если сидеть дома и плевать в потолок, то вообще никогда не восстановишься, и мама его отпустила. Она чувствовала настроение сына и понимала, что ему необходимо побыстрее втянуться в какую-нибудь интересную деятельность.

После этого формального благословения Андрей с Вадиком смотались на улицу 25 Октября, где находилась бухгалтерия артели (она же по совместительству являлась и отделом кадров) и там оформили все необходимые документы. Андрей был зачислен разнорабочим в экспедицию за производственным сырьем (как значилось в контракте), на время сезонных работ.

Небольшая ювелирная артель, в которой работал Крюков называлась кооператив «Аметист». Поделочные камни добывали сами, и каждый весенне-осенний сезон небольшая партия отправлялась на поиски самоцветных минералов. В Горный Алтай ездили уже не раз, он, как известно славился месторождением яшмы: в горных речках до сих пор находили немало этого красивого поделочного камня самых причудливых рисунков и расцветок. Конечно, гораздо быстрее и проще было бы добывать ее в горах промышленным способом, что подразумевало использование динамита, но это пока запрещалось частным организациям.

В этот раз планировалось обследовать горные речки по примерному маршруту санаторий «Белокуриха» – Телецкое озеро, но возможны были корректировки маршрута на месте. Естественно, как сказал Крюков, попадаться будет не только яшма – в районе Чуйского тракта водилось и золото, но лицензия на добычу касалась только яшмы, и по поводу других, более ценных находок следовало держать язык за зубами.

Итак, все необходимые формальности остались позади, и через два дня, рано утром вся небольшая экспедиция собралась в аэропорту Шереметьево. Маршрут предстояло проделать такой: долететь на самолете до Новосибирска, дальше до Бийска на поезде, затем до Белокурихи – на автобусе, а там по руслу какой-нибудь горной речушки они планировали добраться до Телецкого озера, арендовав лошадей для перевозки груза и камней на тамошней турбазе – никакой другой транспорт в той местности не годился. Собственно, от Белокурихи никакого закрепленного маршрута уже не существовало, и предполагалось достаточно вольно побродить по этому благодатному таежному краю.

Экспедиционный инвентарь скорее напоминал аксессуары для туристического похода: палатки, пара больших надувных лодок, геологические инструменты и все необходимое для приготовления пищи на костре в походных условиях, а также рыболовные принадлежности, поскольку в горных речушках водился экзотический алтайский хариус.

Поездка обещала быть интересной, и Андрей, стоя среди рюкзаков в зале аэропорта впервые с того момента, как пришел в сознание, ощутил, что груз прошлого и неизвестность будущего полностью свалились с его плеч, и грудь расправилась навстречу вольному ветру перемен.

Экспедиция состояла из 7 человек – все молодые люди, самым старшим из которых был тридцатипятилетний Вадик Крюков. Он же числился начальником экспедиции и главным экспертом по качеству камня, поскольку, как он предупреждал, всякой дряни уже в первую неделю можно набрать столько, что экспедицию через неделю же и придется заканчивать, поскольку КАМАЗов в своем хозяйстве они пока не завели, хотя в перспективе серьезно подумывают о гусеничном вездеходе. Но все это – не раньше, чем произойдет расширение производства, а пока камня планировалось набрать не больше 200 килограммов – как раз на год работы в Москве до новой экспедиции.

Следующим по старшинству и возрасту был геолог, тридцатидвухлетний бородач, Володя Кожевников хорошо знающий район Горного Алтая, который несколько лет назад сосватал Крюкова в те края. Володя напоминал героя-золотодобытчика из романов Джека Лондона: обветренное, загорелое до черноты лицо, могучий торс профессионального спортсмена, шершавая ладонь, чуть не раздавившая кисть Андрея при рукопожатии. А дальше, помимо Андрея, было четыре человека, числившихся разнорабочими – все студенты 2 курса Географического факультета Московского Университета: двадцатилетний парень и три примерно такого же возраста девушки. Все четверо – в брезентовых штанах, ветровках и тяжелых альпинистских ботинках на толстой резной подошве.

Андрей украдкой окинул взглядом юных представительниц слабого пола, и подумал, что прав был один его приятель по институту, любитель таежных маршрутов, который говорил, что в турпоходы ходят только девицы, у которых в городе большие проблемы с личной жизнью – то есть, мягко выражаясь, не красавицы. В турпоходе же, будучи, как правило, в меньшинстве, они эту проблему успешно решают, поскольку, как известно, не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки. Андрей еще припомнил строчки из достаточно глупой туристской песенки:

– Туристка ты, туристка,
Где ночь ты провела?
Туристка отвечает:
– С инструктором спала....

Правда их экспедиция не считалась рядовым турпоходом, но, очевидно, этот обычай должен был распространяться и на нее тоже.

Все три девицы (Оля, Галя и Юля) были в чем-то схожи, как и их имена: немного мужеподобны, из тех девушек с широкими плечами и короткой стрижкой, которые не любят косметику и никогда не носят юбок и платьев. Все три, как потом выяснилось, в свободное от учебы время подрабатывали на Битцевском ипподроме и увлекались конным спортом. Кстати, конником был и молодой человек, которого звали Витьком.

Вся молодежная бригада, как и Андрей, в экспедицию от артели ехала впервые, поэтому ни Крюков, ни Кожевников не были знакомы с ними накоротке, но хорошо знали друг друга, и уже не первый год ходили вместе за камнями. Девушки, по-видимому, давние подружки, держались друг друга, а Витек, который, как видно, тесно не входил в их компанию, держался несколько в стороне и слегка комплексовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.